

Фредерик Марриет

Приключения в Африке

Фредерик Марриет Приключения в Африке

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=130448

Аннотация

«В один из осенних дней 1828 года по большой столовой медленно ходил взад и вперед пожилой, болезненный господин. Он, очевидно, кончил свой обед, хотя пяти часов еще не было. Опускающееся солнце ярко освещало окна, которые были почти в уровень с землей и выходили в обширный парк с мощными, старыми деревьями. В одной руке у господина была газета, а другую он держал за спиной, как бы поддерживая, чтобы она не гнулась вперед. Вид у него был слабый и истощенный...»

Содержание

Глава I	4
Глава II	8
Глава III	11
Глава IV	14
Глава V	17
Глава VI	22
Глава VII	25
Глава VIII	29
Глава IX	32
Глава X	36
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Фредерик Марриет

Приключения в Африке

Глава I

Чарльз Уильмот. Гибель «Гроссвенора». Сэр Чарльз Уильмот сомневается, что переживет потерю жены и детей. Александр Уильмот. Его характер.

В один из осенних дней 1828 года по большой столовой медленно ходил взад и вперед пожилой, болезненный господин. Он, очевидно, кончил свой обед, хотя пяти часов еще не было. Опускающееся солнце ярко освещало окна, которые были почти в уровень с землей и выходили в обширный парк с мощными, старыми деревьями. В одной руке у господина была газета, а другую он держал за спиной, как бы поддерживая, чтобы она не гнулась вперед. Вид у него был слабый и истощенный.

Походив некоторое время, он сел в вольтеровское кресло и глубоко задумался, не выпуская из рук газету.

Пожилого господина звали сэр Чарльз Уильмот. В ранней молодости он уехал в Индию, где нажил большое состояние, но оттуда через несколько лет должен был уехать вследствие расстроенного здоровья. Не прожив в Англии и шести месяцев, он неожиданно получил в наследство от умершего бездетным старшего брата родовое имение и титул баронета. Решив после этого не возвращаться в Индию, он написал жене, чтобы она ехала с детьми к нему. В ответ он получил страшное известие о том, что его жена и две из трех дочерей погибли от холеры. Третья дочь ехала в Англию на корабле «Гроссвенор» с близкими друзьями Уильмота, полковником Джемсом и его женой.

Тяжелый удар, посланный Богом, глубоко поразил Уильмота и разбил все его надежды. Но, будучи религиозным человеком, он преклонился перед волей Божией и благодарил Бога за оставленное ему утешение в виде последней дочери.

Поселившись в своем родовом имении в Биркшайре, сэр Чарльз Уильмот с нетерпением и беспокойством ждал приезда дочери, которая стала теперь особенно дорога ему. Он сам следил за устройством помещения для нее, решив сделать его в восточном вкусе, к которому она привыкла. Все необходимые мелочи для удобства и развлечений десятилетней девочки были им предусмотрены.

Но Провидению угодно было подвергнуть сэра Чарльза еще более суровому испытанию. Время прибытия «Гроссвенора» давно уже прошло, а о нем ничего не было слышно. Неделя за неделей медленно проходили в страшном беспокойстве и сомнениях. Предполагали, что судно попало в руки врагов, но подтверждения этому не получалось. Наконец, сомнения разрешились страшным известием, что «Гроссвенор» потерпел крушение у восточных берегов Африки, и почти все пассажиры и команда погибли. Двое из спасшихся добрались до Лондона, и от них узнали подробности страшного бедствия.

От них же узнал и сэр Чарльз о том, что остался вполне одиноким. Он не надеялся пережить этого последнего страшного удара, и прошло немало времени, прежде чем он мог с искренней покорностью сказать: «Пусть будет, как Ты хочешь, а не так, как я».

Через несколько лет одинокий человек нашел близкое существо, на котором сосредоточил весь интерес своей печальной жизни. Это был его внук, Александр Уильмот, наследник титула и родового поместья, сын его племянника, убитого на войне. Сэр Чарльз привязался к мальчику, как к родному сыну.

Еще не улеглось горе о погибших жене и детях, когда неожиданно снова были разбужены тяжелые чувства в сердце несчастного отца. Мы застаем его после прочтения известия в газете о слухах, что многие пассажиры «Гроссвенора» избегли гибели.

Глубоко взволнованный сидел он с газетой в руках, когда в комнату вошел Александр Уильмот, красивый рослый человек двадцати двух лет. Он только что кончил курс в колледже и жил с дедушкой. Могучего сложения и развивший силу в атлетических упражнениях, Александр славился как лучший гребец и игрок в крокет в Оксфорде. Кроме того, он страшно любил лошадей, охоту и был отличным стрелком. Характер у него был добрый, благородный, приветливый и откровенный. Все относились к нему с симпатией и особенно еще потому, что он никогда ни о ком не говорил дурно. Может быть, самым большим его недостатком было упорство, но и оно выражалось больше в желании побороть встречающиеся в жизни препятствия, хотя бы и с большим риском для себя.

– Ну, дядюшка, я победил его, – сказал Александр, входя в комнату, разгоряченный упражнениями.

– Кого ты победил, дитя мое? – спросил сэр Чарльз.

– Жеребенка. Я осадил его назад, и он теперь смиреннее ягненка. Но я возился с ним, по крайней мере, два часа.

– Зачем подвергать себя такому риску, Александр? Ведь то же мог сделать и наездник, только с меньшей опасностью.

– Но не так скоро, дядя.

– Я не знал, что тебе так нужна была лошадь, что ты должен был торопиться. Мне кажется, их достаточно в конюшне.

– Конечно, дедушка, благодаря тебе, я не имею в этом недостатка, но просто мне нравится это возбуждение.

– Ты прав, Александр, если бы ты прожил так долго, как я, то находил бы больше удовольствия в покое и отдыхе, – возразил сэр Чарльз с удрученным видом.

– Милый дедушка, что-то расстроило вас, – сказал Александр, подходя к сэру Чарльзу и беря его за руку. – В чем дело?

– Да, Александр, я действительно расстроен и взволнован. Вот это известие в газете опять подняло во мне все самые тяжелые воспоминания.

Александр сел на стул и внимательно прочел указанный параграф в газете.

– Вы считаете основательным это сообщение, дедушка? – спросил он, возвращая газету.

– Это трудно сказать, дорогой мой, но во всяком случае, я не вижу тут ничего невозможного. Такие случаи бывали. Спасшиеся могли быть взяты в плен туземными дикарями. Можешь себе представить, что почувствовал я, когда подумал, что моя бедная Элиза может быть женой или рабыней дикаря. Ее дети, милосердное небо! Мои внуки, может быть, растут невежественными идолопоклонниками. Это мучительные мысли, дитя мое, и я должен много молиться, чтобы прийти снова в равновесие и покориться воле Божией.

– Я ознакомился со всеми правительственными сообщениями о гибели судна, дорогой дед, и никогда не слыхал ничего похожего на это известие. Всеобщее предположение, что погибли почти все, может быть, погибли мучительной смертью, за исключением весьма немногих, которым удалось вернуться в Англию.

– Знаю, мой друг, что все так предполагали, но все-таки в донесениях было много противоречий, и нет ничего невероятного в том, что не все погибли из тех, кого считают погибшими. Если ты ничем не занят, то я расскажу тебе кое-какие подробности, на основании которых можно предполагать, что судьба многих пассажиров, и в том числе твоей тетки, Элизы, осталась неизвестной.

– Я с удовольствием буду слушать, дядюшка, если только воспоминания не слишком мучительны для вас.

– Я не буду останавливаться на них дольше, чем это необходимо. Конечно, воспоминания мучительны, но я должен рассказать тебе некоторые факты, чтобы узнать твое мнение. Ты помнишь, вероятно, что крушение «Гроссвенора» произошло у берега Кафрарии, к югу от Порта Наталя. Судно разбилось об скалу, но, вследствие внезапной перемены ветра – к счастью или к несчастью, не знаю – вся команда и все пассажиры (за исключением шестнадцати человек, которые достигли берега еще раньше по канату, и одного пьяного, оставленного на корабле), благополучно высадились на землю, даже маленькие дети, среди которых была моя бедная Елизавета.

Помолчав немного, сэр Чарльз продолжал:

– Пока они добирались до берега, прошел весь день. Туземцы-кафры, которые ловили все время обломки железа от корабля, ушли с берега, когда стемнело. Несчастные страдалыцы развели огонь и, поймав приплывшие к берегу бочки с кое-какими запасами, закусили и провели ночь на скалах. На следующее утро капитан предложил направиться к Капштадту, к голландским поселениям. Предложение было принято, несмотря на всю его безрассудность.

– Разве они могли поступить как-нибудь иначе?

– Весьма вероятно. Они знали, что находились в стране незаконных дикарей. Капитан рассчитал, что они достигнут Капштадта в шестнадцать или семнадцать дней. Насколько его расчеты были верны, доказывает факт, что достигнувшие города были там только после ста семнадцати дней путешествия. Да если бы даже он и не ошибся в расстоянии, все равно путешествие по стране, населенной жестокими дикарями, путешествие с таким количеством беспомощных женщин и детей было безумием.

– Но что же им было делать?

– Заметь, Александр, что корабль разбился на небольшом расстоянии от берега и врезался в скалу, на которую налетел. Место было мелкое, и сообщение вполне возможно. Дикари удовлетворились тем, что было выброшено на берег, и ушли. Они могли свободно попасть на судно, запастись оружием и всем необходимым для жизни и для защиты от дикарей. Их было полтора человека во время крушения судна, так что при оружии они могли совершенно обезопасить себя от нападения дикарей. Все плотники и кузнецы спаслись. Собрав материал от судна, они могли выстроить себе лодку, и тогда достигли бы города без всяких затруднений.

– Возможно, что этот план был бы разумнее. А что слышно было о капитане, спасся он потом или нет?

– Он был среди тех, которые пропали без вести. Но слушай дальше. В первый же день путешествия они получили предостережения на месте гибели судна. Дикари ограбили их и забросали камнями. Один голландец, бежавший из колонии в кафрскую землю после совершения нескольких убийств, догнал путешественников и указывал им на непрактичность их плана. Он говорил им о громадном количестве дикарей в стране, о широте и недоступности реки, о пустынных пространствах без воды и о диких зверях, которых они должны были встречать на пути. И все-таки они не убедились и шли к своей гибели.

– Не вернее ли будет предположить, что после такого страшного крушения большинство, особенно пассажиры, не решились на путешествие водой?

– Возможно и это. Но ведь благоразумнее всего было бы спросить их, – как иначе, как не водой, возможно попасть в Англию?

– Совершенно верно, дедушка. Продолжайте, пожалуйста...

– По известиям, полученным от вернувшихся моряков, не прошло недели, как на них напали толпы туземцев, которые во все время путешествия вредили им, как могли. На этот

раз они решили, очевидно, перебить их. Но путешественники так удачно отразили нападение, что разогнали всех дикарей, причем никто не был серьезно ранен. Через несколько дней провизия у них вышла, моряки начали роптать и решили спасти себя, не заботясь о женщинах и детях. В конце концов, отделилось сорок три человека, которые оставили капитана со всеми пассажирами — мужчинами, женщинами и детьми на произвол судьбы.

— Какая жестокость!

— Да! Но чувство самосохранения первый закон природы, и трудно надеяться, чтобы человек, особенно не подчиняющийся влиянию религии, способен был на самопожертвование и рисковал своей жизнью для облегчения страданий других. Главной причиной разделения была невозможность достать пропитание на такое количество людей. Отделившаяся партия в сорок три человека встретила на своем пути самые ужасные затруднения. Они шли по берегу моря и питались только устрицами, которые находили на скалах. Потом им приходилось переправляться через реки в версту или две шириной. Они не могли спать, потому что дикие звери постоянно шныряли вокруг них, и, в конце концов, они ужасно страдали от недостатка воды. Они снова разделились и бродили под палящими лучами солнца, не зная сами, куда идут, без одежды и пищи и один за другим отставали от товарищей, чтобы умереть или быть растерзанными дикими зверями. Наконец, они дошли до такой крайности, что решили бросить жребий, кто должен пожертвовать собой для поддержания жизни остальных. Они возвращались назад, чтобы искать трупы погибших товарищей и питаться ими. Наконец, трое ли четверо, полуумирающие с голода и дошедшие до полного изнеможения, добрались до колонии, где встретили радушный прием.

— Вы рассказали, дедушка, о первой партии, а что же сделалось с другой, которая шла с капитаном?

— О ней ничего не было слышно, судьба ее до сих пор неизвестна. Все были уверены, что они погибли.

Если столько перетерпели моряки, то что же должны были испытать при таких обстоятельствах беспомощные женщины и дети? Но через несколько лет прошел слух, что они спаслись и остались жить среди дикарей. Француз Ле-Вальян первый сообщил это, но никто не поверил ему. Однако, его сообщение несколько раз подтверждалось потом другими путешественниками. И теперь опять известие в газете заставляет, наконец, подумать о достоверности прежних сведений. Я не могу отделаться от мысли, что моя несчастная дочь осталась жива и выросла в полном неверии и невежестве среди дикарей.

— Но, дедушка, если даже допустить мысль, что моя тетя жива, то нужно вспомнить и то, что она не была уже так мала в то время, чтобы забыть все, чему ее учили.

— Может быть, только условия, в которых она находилась, были так ужасны, что скорее всего нужно ожидать, что она не пережила их. Но обрати внимание, что в газете говорится о *потомках*, потерпевших крушение на «Гроссвеноре». Может быть, мои внуки растут идолопоклонниками и дикарями. Когда я подумаю об этом, то мне кажется, что было бы лучше, если бы моя Елизавета не перенесла страданий и умерла в детстве. Но, впрочем, на все воля Божия. А теперь оставь меня, Александр, мне лучше побыть одному.

Александр с чувством глубокого почтения и сочувствия пожал руку дедушки и, не говоря ни слова, вышел из комнаты.

Глава II

Размышления Александра. Его план. Сэр Чарльз противится ему. Согласие против воли. Отъезд Александра.

Разговор с дедушкой произвел сильное впечатление на Александра Уильмота и заставил его провести бессонную ночь. Крушение «Гроссвенора» было задолго до его рождения, и он смутно помнил рассказы о нем, которые слышал в детстве, и знал, что кто-то из его родных был среди погибших пассажиров этого корабля. В то время эти рассказы производили на него сильное впечатление, но потом он почти забыл о них. Дедушка никогда не говорил с ним об этом, потому что Александр забыл также и то, что на корабле была единственная дочь сэра Чарльза.

Александр был очень привязан к старику, не говоря уже о благодарности, которую он не мог не чувствовать к человеку, который сделал для него так много и относился к нему с такой добротой. Не больше недели тому назад он выразил желание предпринять путешествие на континент, и сэр Чарльз дал тотчас же свое согласие и предложил ему употребить на путешествие не меньше двух лет. И только, обсуждая окончательно план поездки, он заметил вскользь, что его старость и слабое здоровье заставляют его думать о том, что они могут не увидаться больше на этом свете. Это замечание очень огорчило Александра, и он уже начал раскаиваться, что не подумал о дедушке, а заботился только о собственном удовольствии.

Сегодняшний разговор навел его на новые мысли. Он живо представил себе всю муку и беспокойство, которые должен был переживать несчастный старик, ничего не знающий в течение стольких лет о судьбе своей дочери. И как успокоился бы он, если бы хоть на краю могилы узнал правду и мог бы сказать: «Ныне отпускаеши раба Твоего с миром». И почему бы он, Александр, не мог доставить горячо любимому деду это успокоение? Вместо путешествия на континент для собственного удовольствия, он мог бы употребить эти два года на собирание сведений в Африке о злополучных пассажирах погибшего судна. И путешествие в Африку со всеми приключениями и опасностями и для такой цели улыбалось все больше и больше мужественному юноше. Он уснул только после того, как окончательно решил на другой же день просить согласия сэра Чарльза. Во сне он уже охотился на слонов, убивал диких зверей и сражался с дикарями Африки. Утром его решение несколько не ослабело, и тотчас же после завтрака он начал разговор с сэром Чарльзом.

– Дорогой дедушка, – сказал он, – вы позволили мне пропутешествовать два года по континенту.

– Да, Александр, я нахожу вполне понятным в твои годы желание повидать свет и не беру назад своего согласия. Когда думаешь ты ехать?

– Это будет зависеть от обстоятельств. Но я хотел бы предварительно посоветоваться с вами хорошенько. По правде сказать, я не думаю, чтобы путешествие по цивилизованным странам, подобным нашей родине, могло дать мне особенно много новых впечатлений.

– В этом я тоже не могу не согласиться с тобой. В настоящее время, когда цивилизация стоит так высоко, нет особенной разницы в жизни и обычаях культурных наций. Но страны, где процветала древняя культура, и где сохранились еще остатки ее, все еще представляют большой интерес. И все-таки путешествие может дать тебе полезные впечатления.

– Очень может быть, дедушка, но только я думаю, что успею еще поездить по континенту, когда буду старше и опытнее. Тогда наверное путешествие принесет мне больше пользы.

– Что случилось, Александр? Почему ты вздумал вдруг оставаться в Англии? Если ты делаешь это для меня, то, конечно, мне остается только благодарить тебя за твою жертву.

– Если вы хотите, дедушка, я без сомнения останусь в Англии. Но у меня явилась мысль заменить путешествие по континенту другим, о котором я и хотел посоветоваться с вами.

– Куда же ты собираешься ехать? В Соединенные Штаты или в Южную Америку?

– Нет, нет. Я предполагаю сделать путешествие еще более интересное. Я думаю ехать в Африку – высадиться на мысе Доброй Надежды и оттуда проехать по направлению к северу, где, может быть, мне удастся собрать сведения о вопросе, который вас так беспокоит и мучает.

Сэр Чарльз молчал некоторое время, опустив голову на руки.

– Нет, – сказал он наконец, – на это я не могу согласиться, дорогой мой мальчик. Опасность слишком велика, ты не должен рисковать своей жизнью. Это очень благородное желание, но я не могу допустить, чтобы ты исполнил его.

– Я уверен, дедушка, что, если вы поразмыслите немного, то измените свое мнение. Что же касается опасности, то какая же может быть опасность там, где живут миссионеры и остаются целы и невредимы среди тех же дикарей, которые отнеслись когда-то так враждебно к пассажирам «Гроссвенора»? Там, где в то время была пустыня, живут теперь европейцы, которые не перестают переселяться туда с тех пор, как мыс попал под британское владычество. Усердие тех, которые храбро проповедуют идолопоклонникам слово Божие, произвело громадные перемены в стране, и я думаю, что посещение Африки будет столь же безопасно, как посещение Неаполя. Времени же, я надеюсь, потратить меньше двух лет, которые я хотел провести на континенте.

– Но, если что-нибудь случится с тобой, я никогда не прощу себе, и последние дни моей жизни будут окончательно отравлены горем.

– Дорогой дедушка, наша жизнь в руках Бога, и как часто, убегая от опасности, мы попадаем в нее. Кто из нас может предохранить себя от какой-нибудь несчастной случайности? Смерть может настигнуть меня так же и здесь дома, как во время путешествия по чужим странам. Конечно, будут и затруднения и опасности, но ведь я буду подготовлен к ним и потому сумею справиться с ними. Не отказывайте мне, дядюшка, в вашем согласии. Я все уж обдумал и буду очень несчастлив, если мне не удастся попытаться собрать сведения, которые могли бы успокоить вас. Путешествие принесет пользу мне и вам. Не отказывайте мне, прошу вас.

– Ты добрый и благородный мальчик, Александр, и потому мне еще тяжелее согласиться на твою просьбу. Дай мне подумать, отложим решение, хотя бы до завтра.

Но и на следующий день Александр не мог еще добиться согласия сэра Чарльза. Он перебрал из библиотеки все современные описания Южной Африки и старался убедить деда, ссылаясь на мнения различных известных путешественников. Наконец, сэр Чарльз хотя и неохотно, но согласился с его доводами и разрешил ехать. Между тем прочитанные Александром книги произвели на него большое впечатление и усилили его желание осуществить, как можно скорее, задуманное путешествие. Сначала он решил на него из чувства благодарности и сочувствия к деду, но теперь он стремился ехать и для самого себя. Рассказы о битвах с дикими зверями, о всевозможных рискованных приключениях и предприятиях совершенно вскружили ему голову и взбудоражили его воображение. Он торопил с решением сэра Чарльза, говоря, что чем скорее он уедет, тем скорее вернется на родину. Этот последний аргумент был самым действительным, и Александр, не откладывая, принялся за сборы.

Торговое судно, выбранное для путешествия, отправлялось к мысу через шесть недель после решения вопроса.

– Да благословит и сохранит вас Бог до моего возвращения, дедушка, – сказал Александр, обнимая старика.

– Пусть Господь сохранит и тебя, мой дорогой мальчик, и допустит вернуться раньше моей смерти, чтобы закрыть мне глаза, – сказал растроганный сэр Чарльз.

До ночи Александр приехал в Лондон и оттуда поспешил в Портсмут, чтобы сесть на корабль. На следующий день «Сюрприз» снялся с якоря и быстро поплыл, распустив паруса по каналу.

Глава III

Грусть Александра. Находит друга. М-р Ферборн. Пассажиры. М-р Ферборн рассказывает о готтентотах и отношении к ним голландцев.

Лицо Александра делалось все грустнее и грустнее по мере того, как корабль удалялся от родных берегов. Он оставался на корме судна и не отводил глаз от берега, очертания которого были уже едва видны. Нетрудно угадать его мысли. Увидит ли он снова этот берег? Вернется ли он когда-нибудь, или его прах останется непогребенным и развеется по пустыням Африки? Найдет ли он, если вернется, своего старого деда, или тот будет лежать уже в могиле? Все зависит от милости Бога. Да будет воля Его.

Отвернувшись в сторону, когда земля исчезла из глаз, Александр увидал рядом с собой молодого человека, погруженного, по-видимому, в такие же размышления. Александр задел его локтем, извинился, и с этого начался разговор.

— Я уверен, сэр, — сказал незнакомец, высокий, худощавый брюнет слабого телосложения, — я уверен, что мы оба думаем одно и то же, покидая родную страну. И наши чувства и мысли понятны всякому. Даже животное привыкает к месту и не скоро осваивается с новым.

— Совершенно верно, сэр, — возразил Александр, — но у животных создается привязанность именно только к месту, у людей же, мне кажется, играют роль чувства более возвышенные и благородные.

— Иначе не может и быть, так как человек существо несравненно более одаренное, чем животное. Вы, вероятно, не в первый раз путешествуете? — продолжал незнакомец.

— Именно в первый, — ответил Александр. — Я до вчерашнего дня не покидал Англии и не ездил на корабле.

— Я никогда не сказал бы этого, — возразил собеседник. — Все пассажиры уже страдают морской болезнью, и только мы с вами остаемся на палубе. Потому я и считал вас привычным путешественником.

— Вчера вечером у меня было легкое головокружение, но сегодня с утра я чувствую себя прекрасно. Ведь не все подвержены морской болезни.

— Очень немногие составляют исключение, и вы можете считать себя счастливецом, потому что я по опыту знаю, какая это неприятная болезнь. Однако, скоро завтрак. Думаете вы что-нибудь закусить?

— Чашку кофе выпью с удовольствием, — возразил Александр, — но есть мне не хочется. Что это за птица летает над водой?

— Мы, натуралисты, называем ее *procellarius*, но обыкновенно ее зовут буревестником. Ее присутствие означает плохую погоду.

— Много пассажиров на корабле?

— Нет, девять или десять. Капитан считает, что это очень мало, и уже жаловался на неудачное плавание. Среди пассажиров есть один господин, который живет в колонии на мысе и теперь возвращается туда. Я разговаривал с ним. Кажется, очень интеллигентный человек. Но вот и лакей пришел звать нас завтракать.

Господина, разговаривающего с Александром, звали Суинтон. Он был натуралист, как сам уже сказал, и богатый человек, употребляющий свои доходы на жизнь и любимые занятия. Он ехал теперь на мыс Доброй Надежды с целью изучения местной природы и ее произведений.

Прежде чем судно прибыло на остров Мадейру, где остановилось на три дня, чтобы запастись вином и свежей провизией, Александр и Суинтон были уже друзьями. Из деликатности они не спрашивали друг друга о цели путешествия того и другого.

Как мы уже упоминали, среди пассажиров был один из постоянных жителей Капштадта, занимавший там очень выгодное положение. Это был пожилой человек лет шестидесяти, очень приятного и располагающего вида. Случилось, что у Александра среди данных ему рекомендательных писем было одно, адресованное и м-ру Ферборну – так звали пожилого господина. Нечего и говорить, что вручив ему письмо, Александр не замедлил сообщить ему о цели своей поездки в Африку.

Другие пассажиры были – три молодые леди, отправлявшиеся к своим друзьям в Индию и пожилая леди, с двумя молоденькими дочерьми, ехавшая к мужу, который был полковником в Бенгальской армии. Все они были очень живые и веселые, так что общество в кают-компании «Сюрприза» составилось очень приятное. Настроение стало совсем хорошим, когда, по отплытии от Мадейры, установилась прекрасная тихая погода.

Над четырехугольной палубой и кормой протянули парусину, вынесли наверх стулья, и большую часть дня пассажиры проводили здесь.

– Вы много лет провели на Капе, м-р Ферборн? – спросил Александр во время одной из бесед.

– Да. Я был взят в плен на обратном пути из Индии и оставался в Капштадте, пока он был в руках Голландии. Затем меня хотели выслать в Голландию в качестве пленника, и я был на корабле, когда англичане атаковали голландцев. Пока мысом владели англичане, я занимал там очень видное положение, так как давно жил в стране и хорошо знал ее. Затем голландцы снова отобрали Кап, и я вернулся домой. По вторичном занятии Капштадта англичанами, мне было предложено прежнее место, и с тех пор я жил там почти безвыездно.

– Так что вы, конечно, хорошо знакомы с историей колоний?

– Да, я знаю ее и с удовольствием поделюсь с вами своими сведениями.

– Вы оказали бы мне очень большую услугу, потому что мой запас сведений очень невелик. Мне не удалось даже и почитать, как следует, вследствие неожиданности моего путешествия.

– Кажется, это было в 1652 году, когда голландцы начали устраивать свои колонии на мысе. Природные обитатели страны около Капштадта были готтентоты – кроткий и безобидный народ, живший преимущественно скотоводством. Земледелием они не занимались, но у них были обширные пастбища и большие стада коз и овец. История одной колонии есть история большинства их, если не всех. Сперва овладевали землею с согласия туземцев, затем утверждались на приобретенных местах и начинали относиться к ним с варварской несправедливостью.

Готтентоты, задобренные мелкими подарками, думали, что пришельцы ограничатся небольшим пространством земли, и не препятствовали устройству колоний. Они в первый раз узнали вкус табака и крепкой водки, что привело их потом к рабству и разорению. Эти два яда предлагались готтентотам до тех пор, пока они не почувствовали к ним страсть. И тогда уже за трубку табаку или стакан водки они отдавали быка, козу или овцу. Таким образом богатели голландцы и беднели готтентоты.

Колонии размножались и усиливались, так что скоро губернатор совершенно перестал церемониться с захватом земель, а готтентоты увидели, что у них были отняты не только скот, но и пастбища. Их обобрали дочи́ста, оставив только предметы их страсти – водку и табак, без которых они не могли уже обойтись. Не желая оставлять страну своих предков и не имея возможности доставать табак и водку, готтентоты продавались в пастухи своих же стад и пасли их на пастбищах, которые принадлежали прежде им.

– Следовательно, они сделались рабами? – спросил Александр.

– Нет, хотя с ними обращались хуже, чем с рабами. Они нанимались за известную плату к колонистам, хотя редко получали эту плату, а иногда и совсем не получали. Их нельзя было только продавать и покупать, как продавали и покупали рабов, привозимых в колонии

с восточных берегов Африки и Мадагаскара. Но положение рабов, по моему мнению, было много лучше, так как собственник боялся рисковать жизнью раба, за которого заплатил две-сти или триста долларов. Когда нужно было пасти скот в местах, полных львов и других диких зверей, голландский бур, или земледелец, посылал готтентота, а никак не раба. Жизнь первых ничего не стоила в глазах колонистов, и они убивали их за самый ничтожный проступок.

— Но как голландское правительство могло допускать такую жестокость?

— Правительство было бессильно в колониях и потому закрывало глаза на все преступления. Так как колонии все больше и больше распространялись, правительство захватывало все больше земли у туземцев. Наконец, остались незанятыми только земли кафров — красивого воинственного народа, о котором мы еще будем говорить. Конечно, не все готтентотские племена продали себя на службу колонистам. Некоторые угнали свои стада на север, к границе кафрской земли, другие ушли в горы и жили охотой или грабежом. Эти стали потом известны под именем бушменов. Терпя самые ужасные лишения и живя чуть не на положении диких зверей, за которыми они охотились, они мало-помалу обратились в низшую расу, какой до сих пор и остались.

Буры, или плантаторы, поселившиеся вдали от Капштадта, постоянно страдали от нападений диких зверей и бушменов, живших грабежом. Вследствие постоянной опасности, буры никогда не расставались с оружием, и из их потомков образовался сильный, ловкий и храбрый народ, отличавшийся при этом скупостью и жестокостью. Рабовладельчество и подчинение готтентотов совершенно развратили их и сделали кровожадными тиранами. Находясь на слишком далеком расстоянии от правительства, они не признавали ничьей власти и никаких законов.

— Мне приходилось читать о жестокости голландских буров, но я не думал, чтобы она доходила до таких размеров.

— Конечно, главной причиной всему было рабовладельчество; ничто не развращает так сильно, как оно. Буры привыкли считать готтентотов, бушменов или кафров наравне со скотом и обращались с ними сообразно этому взгляду. Содрогаясь при мысли об убийстве белого человека, убийство какого-нибудь несчастного ту-земца они не считали даже преступлением. Однако я не буду больше злоупотреблять вашим терпением. Дамы наши ушли уже вниз, присоединимся и мы к ним.

Глава IV

Беседы о естествознании. Энтузиазм м-ра Суинтона. Продолжение истории Капа. Варварство голландцев. Негодование Александра.

Александр Уильмот и Суинтон сходились все ближе и ближе и сделались настоящими друзьями. Разговор часто переходил на любимый предмет Суинтона – естествознание.

– Я должен признать свое полное невежество в этом предмете, – заметил однажды Александр, – но думаю, что он чрезвычайно интересен для изучающих его. Я часто жалел, бродя по музеям, что около меня не было человека, который мог бы объяснить многое, непонятное для меня. Но мне кажется, что для изучения естествознания во всех его отраслях нужно очень много работать. Ведь сюда же входят и ботаника, и минералогия, и геология, не правда ли?

– Разумеется, – возразил, смеясь, Суинтон, – и эти три отрасли, может быть, наиболее интересные. Прибавьте еще к этому зоологию или науку о животных, орнитологию – о птицах, энтомологию – о насекомых, конхилиологию – о раковинах, ихтиологию – о рыбах, одни эти названия способны напугать юного новичка. Но уверяю вас, что вовсе не трудно ознакомиться со всеми этими отраслями настолько, чтобы заинтересоваться естествознанием и наслаждаться им.

– Самым интересным предметом изучения все-таки остается человек, – заметил Александр.

– Да, но изучение человека есть только изучение его несовершенств и уклонений от истинного пути, на который направляет его дарованная ему воля. Изучая же природу, вы присутствуете при безошибочных действиях Всемогущего, который с мудростью направляет инстинкты животных, способствующие их существованию. Не только внешнее, но и внутреннее строение животных показывает такое разнообразие и такую остроумную приспособляемость к трудностям жизни и такую способность брать от природы все, что она может дать для наслаждения ею, что вы можете только благоговейно восхищаться премудростью и милосердием Великого Создателя. Нет мельчайшего насекомого, о котором не позаботился Он и которого не снабдил всем необходимым для его короткого существования.

– Вы, вероятно, увлекаетесь все больше и больше вашими занятиями, – сказал Александр.

– Это обыкновенно так и бывает. Чем больше наблюдаем мы природу, тем больше находим в ней чудес и тайн. При помощи химии мы проникаем мало-помалу в эти тайны и делаем разные открытия. Обратите внимание, м-р Уильмот, – продолжал Суинтон, подбирая солому, налетевшую на палубу, – не находите ли вы чего-нибудь общего между этой соломой и кремнем на курке вашего ружья?

– Разумеется я представляю себе их, как две совершенно противоположные части одной и той же природы, как оно и есть на самом деле.

– Не совсем так. Кусочек пшеничной соломы содержит более шестидесяти процентов кремнезема или кремня. Так в состав каждого растения входит приблизительно две трети твердого минерального вещества. Трудно поверить, что волокна корня этого растения были способны растворить такое твердое вещество, питаться им и переваривать его, а между тем это так.

– Это удивительно.

– И это далеко не единственный пример. Фосфорная соль извести, которая является главной составной частью костей животных, равным образом требуется и растениями, также переваривается ими и входит в состав их организма. В состав овса и ячменя входит около

тридцати процентов извести, и нет растения или дерева, в котором не было бы ее в большем или меньшем количестве.

– Как это не удивительно, но все-таки меня более всего поразила ваш рассказ о кремне. Это мне кажется просто непостижимым.

– Для Бога нет ничего невозможного. В Голландии растет тростник, содержащий гораздо больше кремнезема, чем пшеничная солома. Голландцы употребляют его поэтому на полировку дерева и меди. Мы знаем еще очень мало, но это уже установленный факт, что минеральные вещества входят в большинство животных организмов, если не всех. Ведь и вещество, окрашивающее кровь, есть ничто иное, как окись и фосфорная соль железа.

– Я вполне понимаю теперь ваше увлечение естественными науками, м-р Суинтон, – сказал Александр, – и вместе с тем страшно жалею, что с окончанием нашего совместного путешествия закончатся и наши беседы. Ведь как только мы приедем на мыс, тотчас же разедемся в разные стороны, так как цели нашего путешествия совершенно различные.

– Вероятно, потому что я постараюсь проникнуть как можно глубже внутрь страны, – возразил м-р Суинтон, – что, конечно, не может входить в ваши намерения.

– Наоборот, я стремлюсь к тому же, но, может быть, нам придется ехать по разным направлениям. Если мой вопрос не покажется вам нескромным, то я хотел бы знать, куда именно вы собираетесь ехать?

– Охотно удовлетворил бы ваше желание, если бы сам точно знал, куда придется ехать. Африка представляет такое обширное поле для изучения ее природы, что я желал бы проникнуть всюду. И, конечно, путешествие в компании с вами доставило бы мне громадное удовольствие.

Последние слова Суинтона слышал м-р Ферборн, который подошел в это время к беседующим.

– Было бы очень хорошо, – заметил он, – если бы м-р Суинтон рискнул поехать туда же, куда едете вы, м-р Уильмот. Но, мне кажется, вам лучше будет поговорить об этом несколько времени спустя, когда вы ознакомитесь друг с другом еще ближе. Товарища в путешествии нужно выбирать очень осмотрительно, всякое несогласие характеров может отравить существование. А теперь, Уильмот, если вы немного устали от естествознания, то не хотите ли послушать продолжение истории человеческих страданий? Я готов продолжать свой рассказ.

– С большим удовольствием, сэр.

– Надеюсь, вы и мне дадите случай поучиться? – спросил м-р Суинтон.

– О, конечно! – возразил м-р Ферборн. – Хотя, я думаю, вы не услышите особенно много нового, если вам приходилось раньше бывать на мысе. Я рассказывал м-ру Уильмоту, как образовались на мысе колонии, и как колонисты постепенно поработили туземцев и заставили их служить себе. Теперь я буду продолжать.

Голландские буры, богатея и приобретая больше скота, требовали больше и пастбищ и заняли уже всю страну к югу от кафрской границы. Кафры, храбрые дикари, живущие тоже исключительно скотоводством, но они во многих отношениях стоят выше готтентотов.

Оружие готтентотов – лук и стрелы; кафры презирают войну таким оружием, как и всякое предательство. Они предпочитают свои щиты и копья и сражаются открыто и храбро. Кафры обрабатывают землю и более опрятны и цивилизованы. Среди бушменов, которые грабили буров на кафрской границе, попадались иногда и кафры. Но всякие претензии по этому поводу со стороны буров кафрские начальники удовлетворяли, как могли. Не так поступали колонисты. Они проникли в страну кафров и заметили, что у них прекрасные стада всякого скота. Жадность колонистов и тут не устояла против желания нажиться легким способом. Гораздо приятнее отнять готовые стада, чем разводить и взращивать их самим. Как только бушмены похищали несколько голов скота, тотчас же посылались жалобы в Кап-

штадт и требовалось разрешение употребить силу против кафров. Составлялась *команда* из буров и их слуг, отлично вооруженных. Они вторгались в кафрские владения и, указывая на то, что скот был украден неизвестно кем, начинали мстить местным жителям. Кафры не в силах были защищаться своими копьями против огнестрельного оружия и, конечно, были всегда побеждаемы. Буры жгли их жилища и безнаказанно убивали мужчин, женщин и детей. Затем они уходили, захватив, в награду за потерю нескольких коз или овец, тысяч двадцать всякого скота у кафров. Кафры, конечно, возмущались на незаслуженную обиду и нападали на буров, чтобы вернуть отнятый скот. Но вот разница между христианами бурами и дикими язычниками: буры, не стесняясь, убивали женщин и детей во время сражения, кафры не причиняли им ни малейшего вреда. Они не трогали бы и мужчин, если бы их к тому не вынуждали.

– Но как могло голландское правительство допускать такие жестокости?

– Правительство верило донесениям буров и делало соответственно им распоряжения. Правда, потом правительство пробовало прекратить злоупотребления колонистов, но они не поддавались его контролю. Вот, следовательно, в каких условиях находились колонии, когда попали в руки Англии: готтентоты закабалены, как слуги, с которыми обращаются, как с животными; непрекращающаяся торговля рабами и непрерывная война буров с кафрами.

– Я уверен, что наше правительство скоро положило конец варварскому беззаконию.

– Это было не так легко. Пограничные буры восстали против Англии, а готтентоты, потерявшие наконец терпение, бежали и соединились с кафрами. Соединившись, эти два народа напали на пограничных буров, сожгли и разграбили их селения, увели скот и овладели их оружием. Когда буры собрались с силами, произошла новая битва, в которой кафры и готтентоты снова остались победителями. Они убили предводителей буров и преследовали своих врагов до тех пор, пока не были остановлены английскими войсками. Такие войны продолжались до тех пор, пока туземцы не отдались под покровительство англичан, которые потребовали, чтобы они сложили оружие и чтобы готтентоты вернулись к своим господам. Колонии были отданы тогда голландцам и оставались у них до 1806 года, когда они окончательно отошли к Англии. Голландцы не поумнели после полученного урока, они обращались с готтентотами хуже прежнего, желая отомстить им, и как будто пренебрегали британским правительством. Но скоро все изменилось благодаря миссионерам, которые, проникая вглубь страны, сами были свидетелями жестокости и несправедливости буров. Они донесли своему правительству, которое, конечно, поверило им и решило раз навсегда положить конец насилию. Миссионеры говорили, что положение готтентотов противно христианскому учению, и скоро по их настоянию буры лишились своих слуг, так как они были освобождены.

– Слава Богу! – вскричал Александр. – У меня кровь закипала в жилах каждый раз, когда я слушал ваши описания жестокой тирании буров. И так легко стало на душе теперь, когда я знаю, что несчастный готтентот свободный человек.

– Будет на сегодня, – сказал м-р Ферборн, – завтра мы поговорим еще, если ветер и погода будут благоприятствовать нам, как говорят моряки.

Глава V

Водяные птицы. Гуано. Продолжение рассказа м-ра Ферборна. Штурман. Моканна. Нападение. Неудача кафров.

На следующий день судно было против Рио и тотчас же послало лодки за припасами. Пассажиры не выходили на берег, потому что капитан уверил их, что не останется ни одного часа дольше необходимого. Действительно, на другой же день вечером они уже снова плыли к мысу.

Чайки во множестве летали за кормой корабля и бросались вниз, хватая все съедобное, выбрасываемое за борт. Завязался разговор о водяных птицах.

– Какая разница в перьях водяных птиц? – спросил Александр. – Курица или всякая другая земноводная птица, попадая в воду, тонет, как только ее перья напитаются водой.

– Между перьями, я думаю, нет никакой разницы, – возразил Суинтон. – Но у каждой водяной птицы имеется небольшой резервуар, содержащий масло, которое смазывает перья и делает их непромокаемыми. Если вы будете наблюдать за уткой, когда она отряхивается и очищает свои перья, то заметите, что она несколько раз проводит клювом по спинке и над хвостом – это она смазывает перья, чтобы сделать их непромокаемыми. Но ей приходится часто возобновлять смазку, иначе она может потонуть так же, как и курицы.

– Долго ли морская птица может оставаться в море?

– Я не думаю, чтобы очень долго, но другие держатся иного мнения. Но вообще мы знаем этих птиц меньше, чем других.

– А под водой они долго могут быть?

– Большинство не долго, как, например, утки и другие птицы этого разряда. Дольше всех могут оставаться под водой полуводяные птицы с полуперепончатыми лапами. Мне приходилось видеть обыкновенных английских водяных кур, которые довольно долго бродили по дну глубокого ручья совершенно спокойно, разыскивая пищу, как будто они были на скотном дворе.

– Вы говорите, что водяные птицы не остаются долго на море. Откуда же они прилетают?

– Они живут обыкновенно на необитаемых островах или на скалах вблизи воды, там несут яйца и выводят птенцов. Я встречал по двадцати или тридцати акров земли, сплошь покрытых этими птицами или их гнездами. Ежегодно они слетаются в этих местах, которые, вероятно, считают своим домом со дня творения. Они не вьют настоящих гнезд, а просто роют неглубокие ямы, куда и кладут свои яйца. В местах их пребывания на почве образуется слой из помета и разных остатков от рыб, которыми они кормят птенцов, который доходит иногда до двадцати или тридцати футов толщины. Внизу этот слой делается твердым, как скала. С незапамятных времен эти остатки, называемые гуано, употреблялись перуанцами и чилийцами для удобрения полей. Гуано содержит громадное количество необходимых солей, как аммиака, фосфорной соли и других веществ, требующихся для земледелия. В последние годы были привезены образцы гуано в Англию и, так как его можно иметь в неистощимом количестве, вероятно, в скором времени оно будет одним из важных предметов торговли. Однако, вижу м-ра Ферборна, и, надеюсь, он не откажется продолжать свой интересный рассказ о колониях на мысе.

Как только м-р Ферборн подошел к ним, Александр попросил его продолжать рассказ.

– Вы не должны думать, Уильмот, – начал м-р Ферборн, – что в колоннах все исправилось с тех пор, как они подпали под власть англичан. Губернаторы, назначенные для управления колонией, должны были быть очень хорошо знакомы с условиями страны, чтобы видеть все собственными глазами. Обыкновенно они руководятся указаниями доверенных людей

и попадают таким образом в руки той или другой заинтересованной партии. Так было и на мысе. Правда, достаточно было уже и того, что уничтожили рабство и облегчили участь готтентотов. Но это было сделано не правителями, а миссионерами и одной влиятельной и благожелательной партией на мысе. Предубеждение против готтентотов и особенно кафров все еще оставалось и было воспринято новыми властями. Команды, или лучше сказать мародеры, по-прежнему высылались и теснили кафров и готтентотов, хотя их положение и было все-таки несколько лучше прежнего. Я приведу вам пример, из которого вы увидите, как относились власти мыса к правам готтентотов, до освобождения их, правда, но именно в то время, когда их невыносимое положение стало обращать на себя внимание правительства. Когда притеснение буров вызвало, наконец, войну с кафрами и готтентотами, предводителями последних были три брата Штурманы. Мир был установлен усилиями этих предводителей, которые уговорили готтентотов вернуться к своим краалям. Голландское правительство утвердило после этого Штурманов начальниками крааля. Независимость этой кучки готтентотов не давала покоя бурам, которые не могли забыть, что братья Штурманы были предводителями последнего восстания. Семь лет у них не было повода к жалобам на готтентотов, пока не случилось, что двое слуг вернулись в крааль по истечении срока службы, но против желания хозяев, которые хотели задержать их. Буры пришли в крааль и требовали у начальников выдачи слуг. Штурманы не согласились на их требование, и тогда, несмотря на то, что справедливость была на стороне готтентотов, в крааль была прислана вооруженная команда. Штурманы и тогда отказались от выдачи слуг, после чего команда удалилась, боясь храбрых готтентотов.

С помощью измены бурам удалось овладеть жилищем Штурманов и взять в плен одного из братьев (один из них был убит на охоте на буйволов). Администрация Капштадта против всякой справедливости сослала его на остров, куда ссылались преступники. Через три года Штурман, стосковавшись по семье, вернулся без разрешения в колонию. Здесь его узнали, задержали и снова сослали как преступника, хотя в это время правительство было уже не голландское, а английское. Такова была участь первого готтентота, который вступился за права своего соотечественника, и так отнеслась к нему английская администрация в колонии. Так что видите, м-р Уильмот, хотя жестокость утеснений и была уничтожена англичанами, полная справедливость отношений все-таки не была установлена. Много уже времени спустя разобрались в деле и, признав, что Штурман был осужден неправильно, решили вернуть его на родину. К сожалению, было поздно, так как Штурман умер.

Подобная же несправедливость была учинена относительно кафров. В то время, когда колония была еще во владении голландцев, было одно пространство земли, около тридцати тысяч квадратных верст, между границей колонии и берегом Великой Рыбной реки. Когда-то эта земля принадлежала готтентотам, теперь ею владели кафры. Непрерывные стычки происходили между ними и бурами, которые без стеснения грабили их.

В 1811 году правительство постановило согнать с этой земли кафров и выселить их на другую сторону реки. Это снова был акт величайшей несправедливости. Кафры были изгнаны с совершенно ненужной жестокостью и кровопролитием. Это было, вероятно, причиной войны кафров с Англией. В это время администрация колонии вступила в переговоры с кафрским начальником по имени Ганка. Но он был начальником только одной части кафров, а не главным предводителем всех. И, хотя англичане относились к нему, как к главному начальнику, кафры не хотели признавать его власти. Со стороны английской администрации это была весьма грубая бестактность, так как права главных начальников у дикарей равняются правам европейских монархов. Бестактность эту скоро сознали, но из гордости не хотели признать ее открыто. Тогда другие кафрские начальники образовали могущественный союз против Ганки, который, опираясь на поддержку англичан, держал себя очень дерзко и нахально. Произошло сражение, союзники победили и увели, как полагается, скот

побежденных. Так как война происходила между кафрами и на их земле, то администрации колонии вовсе не следовало в нее вмешиваться. Но она, очевидно, думала иначе и снарядила военную экспедицию. Кафры прислали послов с заявлением, что желают остаться в мире с англичанами и только отказываются подчиниться Ганке, который только второстепенный начальник, и которого они победили. На заявление не было обращено внимания. Английские войска вступили в кафрские поселения, атаковали их, загнали с большим кровопролитием в леса и взяли 23 000 голов скота. 9000 тысяч голов было отдано Ганке, остальные разделены между голландскими бурами или проданы для покрытия издержек на экспедицию. Лишенные средств к существованию, кафры пришли в ярость и возобновили военные действия, прежде чем экспедиция успела вернуться домой. Они ворвались в пограничные области, разбили несколько военных укреплений, прогнали буров на нейтральную территорию и перебили громадное количество как их, так и английских солдат. Вся страна была заполнена кафрами и на первых порах совершенно не могли с ними справиться.

— Следовательно, английская администрация оказалась так же не на высоте положения, как голландская, — заметил Александр.

— К сожалению, это верно, — возразил Ферборн. — Союз кафрских начальников находился в то время под очень сильным влиянием одной замечательной личности, по имени Моканна. В колонии он был известен под кличкой Левши. Он не был начальником, но имел большую силу, вследствие своих удивительных душевных качеств и ума. Он выдавал себя за пророка, и кафры относились к нему так же, как, вероятно, относились люди к Магомету и другим подобным фальшивым пророкам. Вдобавок Моканна не был лишен некоторых сведений и европейского лоска.

Этот человек своим влиянием, необыкновенным красноречием и убеждением, что он посланец небес, сумел овладеть умами всех кафров. Он обещал кафрским начальникам, что, при безусловном подчинении их ему, он приведет их к победе и к изгнанию англичан за океан. Он решился на смелый поступок атаки города Грахама и во главе армии в девять или десять тысяч человек вошел в лес на берегу Великой Рыбной реки. Согласно обычая кафров не нападать врасплох, Моканна послал к коменданту Грахама посла с заявлением, что кафры будут на следующее утро завтракать в городе. Комендант посмотрел на это заявление как на пустое хвастовство и не сделал никаких распоряжений относительно обороны. Но на следующее утро он, к великому изумлению, увидел войска кафров у стены города. В городе было около 350 человек регулярного войска, небольшая армия готтентотов и несколько полевых орудий. Кафры ринулись на английские войска и сначала смутили их. Они подошли к самым жерлам пушек, скоро переломали свои копья и решились на рукопашный бой.

Но в это время пушки открыли огонь картечью, и первые ряды кафрского войска посыпались на землю, как скошенная трава. После нескольких наступлений под предводительством Моканна кафры все-таки бежали. Около 1400 храбрейших воинов осталось на поле битвы и много погибло от ран по дороге в свою страну. Моканна бежал вместе с войском.

Во всяком случае со стороны кафров это был очень смелый поступок, показавший Моканну великим человеком даже в неудаче. Нападение было так неожиданно для администрации колонии, что сильно смутило ее и заставило сосредоточить все внимание на устройстве регулярных войска. Снова кафрскую землю заволокли враги, снова началось разорение и сжигание их селений, сопровождаемые кровопролитной резней, при которой не щадили никого без различия пола и возраста. Моканна и главные начальники были объявлены вне закона, и жителям было приказано доставить их живыми или мертвыми. Несмотря на всю нищету и полное разорение, ни один из кафров не польстился на высокую награду, назначенную за головы начальников.

— Чем больше я слушаю о кафрах, тем больше удивляюсь им, — сказал Александр. — И мне кажется, я стал бы на ст... Но, впрочем, продолжайте ваш рассказ, м-р Ферборн.

– Я думаю, что присоединился бы к вам, – возразил Ферборн. – Дальнейшее поведение Моканны еще больше возвысит его в ваших глазах. Когда он понял, что кафров будут преследовать до тех пор, пока они не выдадут его и других начальников, он решил сам отдаться в руки администрации колонии. Он отправил посла предупредить, что придет, и на следующий день, со спокойным мужеством, достойным древнего римлянина, он пришел в английский лагерь. «Народ говорит, – сказал он, – что я причина войны, возьмите меня и верните мир своей стране». Конечно, он был тотчас же арестован и увезен в колонию.

– Что с ним случилось потом?

– Об этом после. А теперь я хочу передать вам сущность речи одного из начальников и товарищей Моканны, который пришел после него в английский лагерь.

Эта речь хорошо обрисовывала положение, в которое кафры были поставлены колонистами.

«Английские военачальники, – сказал он, – эта война несправедлива, потому что вы хотите истребить народ, который сами вынудили взяться за оружие. Когда наши отцы и отцы буров поселились здесь, они жили между собой мирно. Их стада паслись на одном пастбище, и их пастухи курили одну трубку. Они были братья, пока стада кафров не увеличились так, что стали возбуждать зависть в бурах. То, чего не могли взять эти жадные люди у наших отцов за старые пуговицы, они брали силой. Наши отцы были тоже люди, они любили свой скот, их жены и дети питались молоком этого скота, они стали сражаться за свою собственность, они начали ненавидеть колонистов, которые отнимали у них все и вели их к разорению. Теперь их краали и краали наших отцов, разделены. Буры учредили команды против наших отцов, наши отцы изгнали их из Зурвельда, и мы жили в этих местах, потому что завоевали их. Здесь мы женились, здесь родились наши дети, белые люди ненавидели нас, но не могли прогнать отсюда. Во время войны мы вас грабили, в мирное время некоторые дурные люди из наших крали, но наши начальники запрещали это. Мы жили мирно, крали немногие, но народ не обижал никого. Крал Ганка, крали его начальники. Вы посылали ему мед, вы посылали ему бусы, посылали лошадей, с помощью которых он крал еще больше, а нам вы посылали только команды. Мы ссорились с Ганкой из-за травы – наше дело. Вы прислали команду, вы отобрали у нас последнюю корову, оставили нам несколько телят, которые умерли с голода. Так же умерли и наши дети. Вы отдали половину добычи Ганке, половину оставили себе.

Мы видели, что наши жены и дети погибали, лишенные молока и хлеба, потому пошли по следам нашего скота в колонию. Мы грабили и сражались за нашу жизнь. Найдя вас неподготовленными, мы напали на ваших солдат. Думая, что мы сильнее вас, мы атаковали вашу главную квартиру и, если бы мы победили, то восстановили бы наши права. Но вы начали войну, разбили нас и пришли сюда. Мы хотим мира, хотим остаться в наших жилищах, хотим добыть молока для наших детей, наши жены хотят пахать землю. Но ваше войско топчет поля, загоняет людей в чащу леса, где, не различая мужчин и женщин, убивает всех. Вы требовали, чтобы мы подчинились Ганке. Лицо этого человека нравится вам, но сердце его фальшиво. Предоставьте его самому себе, помиритесь с нами, предоставьте ему бороться самому за себя, и мы не будем звать вас на помощь. Отпустите Моканну на свободу, и все наши начальники будут поддерживать мир с вами столько времени, сколько вы захотите. Если вы будете продолжать войну, то можете перебить нас всех до одного человека, но Ганка никогда не будет начальствовать над людьми, которые считают его бабой».

Если красноречие заключается в умении немногими словами сказать многое, то я не знаю лучшего образца. К сожалению, эта речь не имела никакого влияния на перемену судьбы Моканны и других начальников, которые продолжали оставаться вне закона и выдачи которых продолжали требовать от их соплеменников.

– Я все хотел заметить о странности выражения *вне закона*, – сказал Суинтон. – Мне кажется, мы можем исключить из общества и объявить вне закона члена нашего общества, но объявить *вне закона* начальников чужой страны невозможно – это абсурд. Я думаю, что английский язык не совсем точно понимают на мысе.

– Во всяком случае, все попытки получить этих объявленных вне закона начальников были тщетны. Ограбив дочи́ста страну, оставив за собой полное опустошение и нищету, экспедиция вернулась, не достигнув главной цели, но удовлетворенная сознанием, что приобрела еще 30000 голов скота, и оставила умирать с голода тысячи женщин и детей. Но на сегодня довольно. О результатах войны и о судьбе Моканны я расскажу в другой раз.

– Мы очень благодарны вам, м-р Ферборн, за ваш интересный рассказ. Будем надеяться, что вам не пришлось больше видеть такие вопиющие жестокости и несправедливости.

Как я уже раньше сказал, м-р Уильмот, требуется время на уничтожение предрассудков и неправильных суждений. А пока они существуют, трудно надеяться на то, что справедливость восторжествует. Администрация колонии вошла в соглашение со всем белым населением колонии, которое подняло оружие против кафров, считая по вкоренившемуся взгляду, что всякая помеха их деспотизму над туземцами является нарушением их прав. Вы должны вспомнить, как слабо было правительство колонии в продолжение очень большого периода времени, и как трудно было проявить свою силу в такой громадной стране. Чтобы дать вам достаточное представление об этом, я укажу вам на ответ, который получил путешественник Ле-Вальан от некоторых буров, когда выразил свое мнение, что правительство должно вмешаться с вооруженной силой, чтобы положить конец жестокостям и насилиям. «Знаете ли вы, – сказали они, – какой был бы результат такой попытки? Мы в одну минуту собрались бы, убили половину солдат, посолили бы их мясо и отослали бы его назад с несколькими пощаженными. При этом мы предупредили бы, что так же будет поступлено и со следующим отрядом, если его вздумают прислать к нам». Нелегко правительству считаться с таким народом, м-р Уильмот.

– Понимаю, – возразил Александр, – и еще больше интересуюсь знать, что было сделано дальше.

Глава VI

Акулы. Их трусость. Нападение Нептуна на одну из них. Различные опасности. М-р Фэрборн продолжает рассказ. Судьба Моканны. Возмущение среди кафрских племен.

На следующее утро ветер был очень легкий и к полудню совершенно стих. Две громадные акулы показались из-под кормы судна. Матросы старались зацепить их крючком, но они не брали его, несмотря на приманку из куска соленой свинины. Вскоре они исчезли, оставив в большом разочаровании как матросов, рассчитывавших вкусно поужинать, так и двоих молодых пассажиров, с интересом ожидавших результатов охоты.

— Очевидно, эти акулы не особенно голодны, — заметил Суинтон. — Мне приходилось встречать акул в местах, обильных рыбой. Там они не обращают внимания не только на приманку, но даже на человека, которого видят в воде. Но все океанские акулы обыкновенно бывают очень прожорливы.

— Кажется, существует очень много разнообразных видов акул? — спросил Уильмот.

— Да, очень много. Те, которых мы только что видели, принадлежат к виду самых хищных и крупных. Их называют белыми акулами, и они водятся преимущественно в Атлантическом океане, ближе к тропикам. В английском канале встречаются голубые акулы, которые редко бывают опасны. В северных морях также попадаются очень крупные, но безвредные акулы. Существуют еще пятнистые, или тигры-акулы, они очень хищные, но небольшого размера. Затем есть такие, у которых голова напоминает молоток. Но самыми опасными считаются акулы, живущие на самом дне моря и поднимающиеся на поверхность совершенно неожиданно.

— А как вы думаете, что лучше всего делать человеку, который упадет в воду и увидит вблизи себя акулу?

— Опытные моряки считают самым лучшим и действительным способом — лечь на спину, плескаться, как можно больше, ногами и кричать. Акулы очень трусливы и особенно боятся шума. Во время моего путешествия года два или три назад со мной была ньюфаундлендская собака, которая была приучена прыгать в воду со всякой высоты. Я был очень привязан к моему Нептуну, потому можете себе представить мой испуг, когда он спрыгнул с судна и, громко лая, поплыл за акулой. Я был уверен, что чудовище разорвет его, но, к моему изумлению, акула испуганно и быстро поплыла в сторону, преследуемая собакой. Матросы сели в лодку и присоединились к Нептуну. Скоро акула была поймана.

— Ну, вероятно, эта акула тоже была не из особенно голодных.

— Возможно. Я думаю, что самый действительный способ спастись от акулы тот, к которому прибегают сингалезские водолазы, добывающие жемчуг на острове Цейлон. Им приходится обыкновенно пройти несколько саженей под водою, чтобы найти тинистые возвышения, на которых обыкновенно сидят жемчужные устрицы. Встречи с акулами очень часты, и беднягам приходится быть всегда настороже. Наполняя свою корзину устрицами, водолаз все время оглядывается во все стороны. Когда он замечает направляющуюся к нему акулу, то быстро взрывает возвышение, вода взбалтывается и скрывает его из глаз рыбы. Пользуясь временем, водолаз, как можно скорее, поднимается на поверхность. Далеко не всегда, конечно, им удастся таким образом спастись, и очень многие гибнут.

— Дамы, гордящиеся своими жемчужными ожерельями, очень мало думают о несчастных людях, рискующих быть разорванными в куски, чтобы достать им это украшение.

— Совершенно верно. А между тем можно сказать, что каждая жемчужина в таком ожерелье стоит жизни одного человека.

— А вот и м-р Фэрборн, — сказал Уильмот, приветствуя подходившего к ним друга.

М-р Фэрборн сел около молодых людей и, не теряя времени, начал рассказывать.

– Я остановился на том, что Моканна был увезен на мыс. Вы, конечно, уже знаете, что все его преступление заключалось в том, что он сражался за свою родину с цивилизованными завоевателями. Но в глазах администрации колонии это было тяжким преступлением. Он был тотчас же брошен в тюрьму, где находился до окончательного приговора. Его осудили на пожизненные каторжные работы в рудниках вместе с самыми закоренелыми преступниками. Моканна оставался там около года и все время подготовлял побег совместно с несколькими товарищами кафрами, сосланными вместе с ним. Из железных обручей от бочек они сделали нечто вроде тесаков, вооружившись которыми напали на стражу, одолели ее и затем, взяв лодку, отправились с острова на материк. К несчастью, в то время, как они приставали к скалистому берегу материка, лодка была опрокинута страшным прибоем. Моканне удалось взобраться на скалу, но волны смыли его, и он утонул. Так погиб несчастный предводитель кафров.

– Бедный человек, – сказал Александр, – он заслуживал лучшей участи и более благородных врагов. А война продолжалась?

– Нет. Ее конец был достоин ее начала. Вы помните, что война началась для поддержки Ганки, избранного нами вождя кафров вместо их настоящих вождей. От кафров требовали сначала области на нашем берегу Рыбной реки. Теперь администрация колонии настаивала на удалении их еще дальше, за реки Кэзи и Хуми, желая расширить таким образом колонию еще на 3000 квадратных верст. Это нужно было сделать, по их мнению, для того, чтобы создать нейтральное пространство, разделяющее кафров и буров, и прекратить таким образом обоюдные грабежи. Но всего страннее было то, что эта область отнималась не у тех кафрских начальников, с которыми велась война, а у нашего же союзника Ганки.

– Это очень хорошо. По крайней мере, беспристрастно: несправедливость, так уж несправедливость относительно всех.

– Именно так. Так же рассуждал и Ганка, говоривший, что его покровители оказались его притеснителями. И я должен сказать, что, пожалуй, эта несправедливость относительно Ганки была бы хорошей политикой относительно враждебных партий. Но только нейтральные земли были тотчас же заняты бурами, очутившимися таким образом в тесном соседстве с кафрами. Не прекратились и экспедиции команд к кафрам. Теперь уж, я слышал, ведется война с Маномо, сыном Ганки, бывшего нашего союзника. Но все-таки я надеюсь, что наше правительство взглянет, наконец, с более верной точки зрения на факты.

Вот вам вкратце вся история Капской земли настоящего времени. Многие пункты я обходил, чтобы не нарушать цельности рассказа, но если у вас остались какие-нибудь недоумения, я охотно постараюсь разъяснить вам их. Но мой рассказ был бы неполным, если бы я не упомянул о миссионерах которые заслужили высокую похвалу и самое теплое отношение. И как ни велико было бесправие колонии, оно могло бы быть еще больше без вмешательства миссионеров. Также очень хорошее влияние на нравы колонии имеет иммиграция британского населения. Чем больше англичан будет селиться в Капских землях, тем скорее можно ожидать улучшения в отношениях колонистов к туземцам. Нельзя, конечно, предположить, что все без исключения голландские буры дурные люди, между ними есть и весьма достойные, но и они подчиняются общему течению жизни. Однако, за последнее время мне уже приходилось не раз наблюдать среди колонистов ослабление прежних предубеждений против туземцев и желание содействовать распространению английских законов на защиту их. Скоро голландцы будут окончательно смыты волной английской иммиграции, а смешанные браки dokonчат дело и уничтожат различие между английскими и голландскими колонистами. На все это, конечно, нужно время, и, может быть, мы еще увидим Капскую землю совершенно измененной.

– Я твердо уверен, что с помощью Божией это будет, – сказал Александр. – Если ветер не изменится, через несколько дней мы будем уж в Капской земле, и сами увидим, как обстоят там теперь дела.

– В последнем письме, полученном мной в Англии, мне сообщают что зулусские племена, живущие к северу от кафров, находятся в очень беспокойном состоянии. И если вам придется проезжать их владениями, вы должны быть очень осторожны. Во всяком случае, Чаки уже нет, он убит два года назад собственными родственниками.

– Кто такой этот Чака? – спросил Александр.

– О нем я вам еще расскажу. Ведь я дошел еще только до кафров, которые живут на нашей границе.

Глава VII

М-р Суинтон соглашается сопровождать Александру. Земля! Капштадт. Майор Хендерсон. Он присоединяется к экспедиции. Начало истории о Чаке.

Ветер все время благоприятствовал, и судно быстро приближалось к Капской земле. Александр рассказал своему новому другу м-ру Суинтону о цели своего путешествия в центр Африки, и тот выразил свое желание сопровождать ему. Предложение его было принято, конечно, с величайшей радостью. Александр сказал, что, присоединяясь к его каравану, Суинтон не будет нести никаких издержек. Караван сооружается на средства его дела, которые в полном распоряжении Александра, а присоединение к каравану м-ра Суинтона не составит никакой разницы в его стоимости. Когда наши друзья решили путешествовать вместе, они стали вести нескончаемые разговоры о снаряжении экспедиции, о количестве экипажей, о припасах, лошадях, быках и т. п. М-р Ферборн часто присоединялся к их обсуждениям, давал советы, но говорил, что в Капштадте он будет им более полезен, чем теперь. Александр, который был, как мы уже говорили, прекрасный охотник и большой любитель собак и лошадей, заранее представлял себе, как будет охотиться за дикими зверями. Он был очень рад, что забрал с собой пропасть всякого оружия, которое должно было пригодиться ему не столько даже для охоты, сколько для самозащиты.

Наконец, однажды утром послышался громкий радостный возглас: «Земля!». И скоро показались плоские вершины Столовых гор. «Сюрприз» быстро приближался к берегу, на котором можно уже было различать при помощи трубы здания и другие предметы. В полдень судно вошло в бухту, а в три часа дня бросило якорь между двумя другими торговыми кораблями, которые разгружали свои товары.

После трехмесячного путешествия пассажиры с большим нетерпением ожидали возможности сойти на землю. Вечером уже все были на берегу, и Александр поместился в одном из лучших домов Капштадта, так как м-р Ферборн еще во время путешествия пригласил его к себе.

Утомленный продолжительным путешествием, он решил ничего не осматривать до завтрашнего дня.

– М-р Уильмот, – сказал ему на следующее утро Ферборн, – я советовал бы вам первые десять дней совершенно не думать о вашей экспедиции. Осматривайте город, сады или отправляйтесь с вашим другом Суинтоном на Столовые горы. Одним словом, делайте все, что вам захочется, мои люди в вашем распоряжении. Вы знаете распределение дня, а затем будьте здесь как у себя дома и таким же хозяином здесь, как я. Вы, конечно, понимаете, что после такого продолжительного отсутствия мне нужно по крайней мере дней десять, чтобы войти в дела и направить их на должный путь. Так вы уже извините, если не увидите во мне такого любезного хозяина, каким я хотел бы быть. Одно еще советовал бы я вам сделать: сегодня же пойти со мной в дом Правления, где я представлю вас губернатору. Не мешает оказать ему некоторое уважение. Ну а потом вы можете располагать собой как хотите.

Александр рассыпался в благодарностях. Он был очень любезно принят губернатором, который обещал ему сделать все возможное, чтобы облегчить его путешествие. Получив приглашение к обеду на следующий день, Александр откланялся и оставил м-ра Ферборна с губернатором.

На следующий день пришел м-р Суинтон в сопровождении незнакомого господина, которого он представил под именем майора Хендерсона. Майор прибыл несколько дней тому назад из Калькутты, где получил отпуск для поправления здоровья после свирепой малярии, которая едва не кончилась смертью. Однако путешествие настолько восстановило его силы, что он выглядел полным здоровья и энергии. Они пошли все вместе осматривать зоологи-

ческий сад, где было несколько львов и других местных хищных животных. Заговорили об охоте, и майор начал рассказывать об охоте в Индии, особенно об охоте на тигров и слонов, в которой он часто принимал участие.

Собеседники увидели друг в друге страстных охотников и очень понравились друг другу.

Дня через два после этого м-р Суинтон, разговаривая с Александром о предполагаемой экспедиции, сказал:

– Вы не должны удивляться здешней простоте и бесцеремонности отношений. Так всегда бывает, когда соотечественники встречаются на чужбине. Я говорю это к тому, что майор Хендерсон придет сегодня, чтобы предложить вам свое участие в нашем путешествии в центр Африки. Сам я его мало знаю, но слышал о нем много хорошего. Когда он сказал мне о своем намерении, мне ничего больше не оставалось делать, как предупредить вас. Как вы относитесь к этому, Уильмот?

– Мне очень нравится майор, и, кроме того, я держусь такого мнения, что чем больше будет европейцев в нашем опасном путешествии, тем лучше. А такой храбрый и опытный охотник, как Хендерсон, может быть особенно полезен для нас. Вообще я не только не против его присоединения к нам, а даже в восторге от его предложения.

– Очень рад, что вы так смотрите, и совершенно согласен с вами. Майор не только опытный охотник, но он, как я слышал, замечательный стрелок. Я тоже думаю, что для нас он является хорошим приобретением. По-видимому, он и сам собирался путешествовать по внутренней Африке, с этой целью он привез с собой из Индии пару арабских лошадей.

– Если вы увидите его раньше меня, то скажите, что сообщили мне о его предложении, и что я принял его с величайшим удовольствием. Само собой разумеется, что все расходы по путешествию я беру только на себя.

– Передам все и думаю, что нам следует начинать наши сборы. Майор, конечно, будет очень полезен своими советами. А пока до свиданья.

Вечером м-р Суинтон пришел вместе с майором, и Александр после первых же приветствий предложил приступить к совещанию.

– Моя свита, – сказал майор, – не очень велика. Со мной две лошади, две собаки, слуга и капский павиан. Я хотел бы непременно удержать при себе обоих последних. Слуга будет полезен, как прекрасный повар, ну а если у нас будет много хлопот с обезьяной, мы ее съедим. Кроме того, она еще молодая и проделывает разные забавные штуки.

– У павианов есть очень хорошее качество, – заметил Суинтон, – в случае опасности они предупреждают лучше собак. Я полагаю, Уильмот, обезьяна может быть принята в нашу экспедицию.

– Я очень счастлив, – смеясь, возразил Александр, – и прошу вас, майор, передать ей мой привет и мое приглашение.

– Я назвал ее Бигум по имени одной старой индийской принцессы, на которую она очень похожа. Но, однако, к делу. Вам нужно позаботиться о хороших лошадях, м-р Уильмот. Нам понадобится их очень много. Но, если вы не хотите, чтобы у них были испорчены спины, не допускайте готтентотов ездить на них.

– Мы говорили уже об этом, майор Хендерсон, и пришли к заключению, что лучше будет отправиться сначала на корабле в бухту Альгоа, там вполне снарядиться и оттуда начать путешествие.

Решено было все предметы продовольствия и лошадей закупить в Капштадте, покупку повозок, быков и наем готтентотов отложить до Альгоа.

М-р Ферборн несколько освободился от своих дел и мог больше отдавать своего времени Александру.

Однажды вечером он развернул карту Африки и начал намечать путь экспедиции Александра. Он указал ему, как лучше пройти через кафрские земли, но относительно дальнейшего пути не взялся ничего советовать, потому что там все зависело от случайностей.

— О стране, лежащей за землями кафров, я знаю очень немного, — сказал он. — Известно, что она заселена зулусами, предводителем которых был Чака. В прошлом году наши войска пошли на помощь кафрам, которых атаковало другое племя, пришедшее с севера, по имени Мантати. Мантати были рассеяны нашими войсками с большим кровопролитием. Страна зулусов, как вы видите, находится на западе от большой горной цепи и на севере от порта Наталя. Совершенно невозможно сказать, что будет происходить там в то время, когда вы будете находиться поблизости, и будут ли продолжаться эти набеги северных племен.

— Вы обещали рассказать мне о Чаке?

— Чака был король зулусов. Он был вроде африканского Наполеона, великий завоеватель, но чудовище по жестокости и преступности. Он начал свою карьеру с убийства родственников для получения власти. Затем он убивал всех, стоящих у него на пути или расположенных к его родным.

— Зулусы и кафры не один народ?

— Нет, но на севере много племен, которых мы относим к кафрам. Вы, наверное, уже раньше обратили внимание, читая историю человечества, что переселение народов вообще шло с севера на юг; так же было и в Африке. Какие-то происшествия среди северных племен, вероятно, чрезмерное увеличение народонаселения погнали зулусов к югу. Они наводнили страну, как потоп, смывая всех, встречающихся на их пути. Чака привел не меньше ста тысяч воинов, из которых пятнадцать тысяч находились в его личном распоряжении. Всюду, где он проходил, кровь лилась потоками, он не щадил ни пола, ни возраста. Тот ужас, который он наводил на всех, заставлял беспрекословно повиноваться ему. Чтобы сделать свою армию непобедимой, он реформировал ее, разделив на отряды, отличающиеся друг от друга по цвету щитов, и запретил им сражаться иным оружием, кроме коротких острых копий. Для очищения армии, он отобрал тысячу старых воинов, которым был обязан многими победами, и приказал их перебить как бесполезных. Пленников он сажал обыкновенно на кол; вообще трудно себе представить более жестокого человека, недаром он получил прозвание Кровожадного. Со своим народом он обращался, как истинный тиран. Рассказывали, что ему досадила чем-то ребенок, и он приказал убить его. Но ребенок спрятался среди других детей, которых было восемь человек. Чака забыл его наружность и не мог отличить его от других; не долго думая, он приказал убить их всех. Он в один день перерезал двести или триста своих жен. При малейшем подозрении он казнил подчиненных ему военачальников, и никто не знал, когда придет его очередь. Его воля была закон. Всякий с трепетом повиновался ему. Жестокостям его нет числа, но достаточно вспомнить последний поступок его перед смертью. Когда умерла его мать, он заподозрил, что ее убили. Сотню за сотней подчиненных сажал на кол, наконец, утомившись продолжительными казнями, он приказал своей армии перебить всех жителей этой местности без разбора, что и было сделано в две недели.

— Какой ужас!

— Да, это был демон, купавшийся в крови, но скоро настал и его черед. Он был убит своим братом Дингаамом, которого собирался распять на кресте. Теперь этот Дингаама занял его место на троне, и, кажется, зулусы начали успокаиваться. У них есть еще один великий воин. Мозелекатзи, полная противоположность Чака и бывший противник его. Но наши отношения с этим народом неясны, может быть, время определит их. Когда вы будете проезжать зулусскими владениями, то сами увидите их отношение к белым и будете поступать сообразно обстоятельствам. Мне кажется, что вашему каравану там не будут грозить особенные опасности. Небольшими подарками вы можете задобрить их начальников. Кроме того, я снабжу вас письмами за подписью губернатора. Когда вы предполагаете выступить?

– Через несколько дней у нас все будет готово и нужно будет только подождать судна, которое пойдет в бухту Альгоа.

– Я попрошу вас захватить некоторые вещи для передачи в миссионерские пункты, мимо которых вы поедете. Надеюсь, это не особенно отяготит вас?

– Разумеется, нет. Миссионеры возбуждают во мне чувства изумления и глубочайшего уважения к ним вследствие их мужества и самоотверженности. Все, что я могу сделать для них, я сделаю с величайшим удовольствием.

Александр получил много предложений принять участие в экспедиции, но все их деликатно отклонил. Через несколько дней прибыл из Альгоа корабль, который должен был вскоре отправиться обратно. Нагрузив на него припасы, собак, лошадей и не забыв при этом павиана Бигум, наши путешественники отплыли от берега, сопровождаемые пожеланиями и напутствиями м-ра Ферборна и губернатора.

На четвертый день судно благополучно стало на якорь в бухте Альгоа рядом с десятью или двенадцатью другими торговыми судами.

Глава VIII

Ночь в бухте Альгоа. Майор встречается с Максуэллем. Приготовления к выступлению. Описание каравана. Выступление.

Корабли, стоявшие на якорях в бухте, прибыли из Англии, привезли очень много эмигрантов, приехавших искать счастья в колонии. Вся бухта была запружена лодками, нагруженными или пустыми, снующими взад и вперед. Ветер был с запада, вода чуть-чуть рябила, и яркое, горячее солнце светило с темно-синего неба, освещая эту картину, полную суеты и движения.

Александр и его товарищи были на палубе корабля, – когда наступила, ночь, и недавнее оживление уступило место тишине и безмолвию. Южные звезды, красивые и крупные, заблестели на безоблачном небосклоне, отражаясь в тихой прозрачной воде бухты. Казалось, небо было вверху и внизу. Берег представлял темную опаловую массу, отдаленные горы как бы приближались к нему и высились прямо над водой. Все было окутано мраком, только блестели там и сям огоньки в окнах, свидетельствующие, что не все еще обитатели отдыхают от забот трудового дня. Но полное безмолвие царило кругом и изредка только нарушалось лаем собак или голосом дежурного матроса, доносящего, что все благополучно.

– Сколько самых разнообразных людей собралось на таком маленьком пространстве, как этот корабль эмигрантов, – заметил м-р Суинтон.

– Да, но все они объединены в одном чувстве желания независимости и благосостояния, – возразил майор Хендерсон.

– В этом не может быть сомнения, – сказал Александр, – но ведь это все равно, что снова начать жить. От всего родного, известного их отделяет океан, здесь же новые интесресы, новые надежды, новые разочарования и совершенно иные люди. Однако, господа, завтра мы должны будем встать на рассвете, потому я подаю вам благой пример и желаю спокойной ночи.

На рассвете следующего утра лошади были благополучно переправлены на берег на длинном пароме. После сытного завтрака Александр и его товарищи отправились в город искать себе пристанища.

Это было нелегкое дело, так как буквально все дома были заняты прибывшими иностранцами. Нашим друзьям удалось пристроить лошадей, а затем они продолжали бродить по городу. На улицах была сутолока невообразимая. Здесь были повозки, нагруженные и пустые, с запряженными в них волами, лошади, коровы, овцы и всякие другие животные. Слышались крики, мычанье, блеяние, громкие разговоры, стук и грохот колес. Готтентоты или сновали, нагружая и разгружая повозки, или отдыхали, лениво покуривая трубки. Всюду были нагромождены ящики и тюки всякого вида и всяких размеров, груды земледельческих орудий и всякого железного товара. Женщины сторожили свои вещи, разложенные по обеим сторонам улицы, дети смотрели на все изумленными глазами или играли, или плакали.

За городом были раскинута палатки некоторыми запасливыми эмигрантами, которые привезли с собой и их, и все приспособления для жизни на бивуаках. Всюду горели костры, и кипела жизнь, как в цыганском таборе.

– Во всяком случае, – сказал Александр, – теперь у нас есть ночлег. Жаль, что я сразу не подумал об этом и не вспомнил о двух палатках, которые везу с собой из Капштадта. Никто не мешает нам последовать примеру всех этих людей.

– Bravo! – воскликнул майор. – Это, конечно, гораздо приятнее, чем возвращаться опять на корабль и отдавать себя на съедение тараканам в каютах.

– Разумеется, – согласился Суинтон. – Возьмем с собой только матрасы и еще кое-какие необходимые вещи.

– Пусть мой повар все это сделает, – сказал майор, – он человек привычный. В Индии нам часто приходилось жить в палатках. Но что это? Я, кажется, вижу кое-кого знакомого? Макссуэлль, если я не ошибаюсь?

– Совершенно верно, дорогой Хендерсон, – возразил офицер, к которому обратился майор. – Как вы сюда попали? Конечно, вы не принадлежите к числу здешних обитателей?

– Ни в каком случае, – возразил Хендерсон, смеясь. – Я собираюсь пострелять гиппопотамов вместе с моими друзьями. Позвольте вас познакомить с м-ром Уильмотом и м-ром Суинтоном. Но вы как будто при исполнении обязанностей? Вы в форте?

– Да, я приехал из Сомерсета около месяца назад. Не могу ли я быть вам полезен?

– Это будет зависеть от обстоятельств. Мы намереваемся теперь раскинуть здесь палатки, чтобы переночевать.

– Прекрасно. Ночлега в форте я не могу вам предложить за неимением места, но советую раскинуть ваши палатки возле форта; там ваш багаж будет в большей сохранности, и я буду в состоянии уделить вам больше внимания.

– Прекрасная мысль, – возразил Хендерсон, – мы с удовольствием принимаем ваше предложение.

– Так позаботьтесь скорее о вашем багаже, переправьте его на берег, а мои люди примут и уберут его. Об обеде не беспокойтесь, у меня найдется, чем вас покормить.

– Друг в нужде – друг вдвойне, дорогой товарищ. Мы принимаем ваше приглашение так же просто, как вы его сделали. Итак, до свидания, не больше как через час мы увидимся.

– Это счастливая встреча, – заметил Хендерсон, когда они отошли от Макссуэлля. – Макссуэлль прекрасный товарищ и охотно поможет нам осмотреться здесь, так как хорошо знаком и с местностью, и с народом. Да и багаж наш будет в полной сохранности.

– Да, это хорошо, – сказал Суинтон.

– Где вы познакомились с капитаном Макссуэллем?

– В Индии. Мы вместе охотились на тигров. Командир корабля распорядился о скорейшей выгрузке багажа наших путешественников, так что часа через два все было на берегу, включая павиана Бигума.

Солдаты, присланные капитаном, приняли вещи, отвезли их в форты и раскинули палатки, пока Александр и его друзья обедали и отдыхали после обеда. Ночь они провели вполне спокойно и удобно и проснулись только к завтраку. Макссуэлль принял участие в хлопотах по покупке повозок и волов. Прежде всего они отправились к колонисту, к которому у Александра было письмо от губернатора.

С его помощью к ночи было куплено четыре прекрасных повозки, крытые парусиной, и четыре упряжки волов. Все это в полной готовности должно было быть доставлено через четыре дня, а пока нужно было позаботиться также и о лошадях. С последними было немало хлопот, так как майор Хендерсон, большой знаток лошадей, браковал почти всех. Остальное время до прибытия повозок было употреблено на закупку разных предметов, не приобретенных в Капштадте.

Когда прибыли повозки и вола, колонист принялся за наем готтентотов для участия в экспедиции. Нужны были погонщики, охотники и вообще люди, годные на всякую работу. Некоторых он знал лично за прекрасных работников и хороших людей, но большую часть пришлось взять, полагаясь на рекомендацию других или на их внешний вид.

Прошло не менее трех недель, пока, наконец, все было готово. Когда караван был готов к выступлению, он был в таком виде: трое известных нам путешественников были во главе; затем – слуга м-ра Хендерсона; восемь погонщиков при волах; двенадцать охотников из готтентотов и других племен; двое готтентотов при лошадях и двое при капском стаде овец, которое следовало за караваном для пополнения запасов провизии вместе с дичью, которая

будет добываться на охоте. Кроме того, были две готтентотки для стирки белья и помощи повару. Таким образом, всего в караване было двадцать человек.

Из животных было – пятьдесят шесть прекрасных волов для упряжки, двенадцать лошадей, тринадцать собак разных пород, павиан Бигум майора Хендерсона и стадо овец. Фургоны были снабжены следующим образом: первый – фургон м-ра Уильмота – имел с обеих сторон ящики, наполненные разными припасами, как то: чаем, кофе, сахаром, бисквитами, ветчиной, сырами, мылом и восковыми свечами. Здесь же помещались бутылки с вином и спиртом, большие свитки табаку для готтентотов и одежда Александра. Между ящиками, на дне, лежал его матрац. Сверху фургон был покрыт парусиной с раскрывающимися занавесками спереди и сзади.

Второй фургон назывался фургоном м-ра Суинтона. При нем были такие же ящики и с такими же припасами, но, кроме того, был еще громадный ящик со всевозможными приспособлениями для сбора насекомых, стопы две бумаги для сушения растений; здесь же лежали разные лекарства и хирургические принадлежности, так как м-р Суинтон был несколько знаком с медициной. В другом ящике такой же величины находились стеклянные бусы для подарков дикарям, несколько сотен пуль, ножи и всякая кухонная и столовая посуда. Покрышка и матрац были такие же, как и в первом фургоне.

Третий фургон – оружейный, или фургон майора Хендерсона – был снаряжен совершенно иначе, чем два первые. Все его дно было занято выдвижными ящиками, поверх которых расстилался матрац майора. В ящиках стояли бутылки с порохом, и лежало большое количество мелких пуль. Здесь же были сложены все столярные и плотничьи инструменты – лопаты, заступы, топоры и т. п.

Верх этого фургона был сделан из толстых обручей, на которые была натянута непромокаемая просмоленная парусина; тут были привешены все ружья, кроме двух, оставленных при себе Александром и Суинтоном. Спереди и сзади фургона были устроены деревянные крышки, поднимающиеся и опускающиеся на петлях, так что, в случае надобности, он мог служить крепостью. Кроме того, он мог запираться, что тоже было не бесполезно, так как в нем же хранился главный запас спирта, к которому готтентоты очень равнодушны. Ночью Бигум помещался в этом же фургоне.

Четвертый фургон назывался запасным и был нагружен всевозможными вещами, в которых не могло быть необходимости в настоящее время. Здесь лежали мешки с мукой и рисом, запасы пороху и свинца, веревки, железные брусья, гвозди всех величин, свертки проволоки, а также и две палатки, три стула и маленький стол. Подобно фургону майора, он был покрыт непромокаемой парусиной.

Так был снаряжен караван великой охотничьей экспедиции, как прозвали ее местные жители. Приготовления и снаряжение возбудили такое любопытство у всех обитателей города, что они толпами окружали место снаряжения.

Когда все было готово, колонист-распорядитель собрал всех нанятых людей и произнес им речь об их обязанностях, увещевая вести себя хорошо и добросовестно и угрожая, в противном случае, строгим наказанием. Чтобы избежать слишком большого скопления любопытных, выехать было решено до рассвета.

В два часа утра готтентоты были подняты, волы запряжены, и караван покинул город при освещении блестящих южных звезд.

Глава IX

Планы путешественников. Храбрость Толстого Адама. Милиус. Что было в его доме. Речь готтентотам. Бушменский мальчик, принц Омра.

Наши путешественники выработали совершенно определенный план пути. Они решили для выполнения главной цели своего путешествия пройти через страну кафров к берегам реки Ундата, вблизи которой, судя по сообщениям, должны были находиться потомки пропавших пассажиров «Гроссвенора». По выполнении миссии Александра, караван должен будет пересечь цепь гор и вернуться через земли бушменов и кораннов. Они не хотели возвращаться через страну кафров, потому что в ней совершенно не было дичи. Кафры оставили только львов и пантер в лесах и гиппопотамов в реках. Все трое были довольны планом, так как Александр и Хендерсон надеялись вдоволь поохотиться, а Суинтон рассчитывал пополнить свои коллекции. Опасности при проезде через страну кафров тоже, по-видимому, не представлялось, так как миссионеры устроили уже там два пункта в Буттеруорсе и Хуми, куда Александру были даны поручения. Караван вышел из города 7 мая 1829 года. Погода уже в продолжение нескольких недель стояла прекрасная, пастбища после долгих дождей были роскошные, путешественники не торопились и наслаждались полным покоем. Александр, Суинтон и Хендерсон ехали верхом впереди каравана.

– Я не знаю, как вы, но я чувствую себя как узник, вырвавшийся на свободу. После шума, суеты и тесноты города эти простор и тишина кажутся раем.

– Я чувствую то же самое и наслаждаюсь всей душой, – сказал Александр.

– Говорят, что человек создан для жизни в обществе; это, пожалуй, и правда, но все-таки так приятно иногда быть наедине с природой.

– Да, быть в таком одиночестве, как мы теперь, – смеясь сказал Суинтон, – очень недурно. В компании тридцати человек, прекрасно вооруженных, интересно быть и среди пустыни. Но я не думаю, чтобы каждый из нас чувствовал себя очень хорошо, если бы находился среди этой африканской пустыни в полном одиночестве. Немало удовлетворяет также сознание, что позади идут четыре фургона, снабженные всякой провизией.

– Все это совершенно верно, – сказал Хендерсон, – но все-таки после города здесь чувствуешь себя совершенно свободным и вдали от общества.

– Но нам еще предстоят новые знакомства в пути, – продолжал шутить Суинтон. – Пока мы приедем в город Грахам, мы, вероятно, встретим много голландских буров, которые живут в этих местах.

– Мне кажется, Уильмот, – заметил Хендерсон, – нам нужно за это время хорошенько присмотреться к нашим людям. Если они не будут поддаваться дисциплине или некоторые из них окажутся неподходящими, мы можем заменить их в Грахаме другими.

– Ваш план хорош, – ответил Александр. – В три-четыре дня пути мы успеем к ним присмотреться. А как вообще, готтентоты храбры или нет?

– Да, их считают довольно храбрыми. Но только беда, если среди них заведется один трус: он действует на всех.

– Я подозреваю, что у нас есть такой среди охотников, – сказал Хендерсон, – но, может быть, я и ошибаюсь; конечно, это нужно проверить.

– Мне кажется, я знаю, о ком вы говорите, – сказал Александр. – Это громадный парень, которого называют Толстый Адам.

– Значит, и вы заметили за ним это качество; но посмотрим, что будет дальше.

– Когда мы остановимся, я прикажу смазать колеса фургонов, – сказал Александр, – они скрипят невыносимо.

– Я думаю, что это бесполезно, они все равно будут скрипеть. В Индии такие же фургоны скрипят в десять раз больше. И туземцы никогда не смазывают их, потому что быки привыкли к этой музыке и без нее не желают идти. Кроме того, нам придется идти по такой траве, в которой и мы, и наши животные будем закрыты с головой, тогда только по этому скрипу можно будет идти друг за другом.

– В таком случае я поберегу наше сало для другого употребления, – сказал Александр, – и постараюсь примириться со скрипом колес.

– Через несколько дней вы так привыкнете к нему, что не будете его замечать, а, может быть, будете даже скучать, когда его не будет, – сказал майор.

– Вероятно, так и будет, привычка – вторая натура. Мне кажется, я вижу там дом на холме?

– Да, – ответил Суинтон. – И я знаю этот дом. Это ферма бура Милиуса, которого мы видели в бухте Альгоа. Я не думал, что мы будем здесь так скоро. До фермы осталось не больше трех миль, и мы приедем как раз к завтраку. Там мы перепряжем волов. Сколько у нас запряжено?

– По десяти на фургон. Остальные шестнадцать идут сзади вместе с лошадьми и овцами.

Пришпорив лошадей, маленький отряд поскакал галопом и скоро был около фермы, где был встречен неистовым лаем штук двадцати собак. Молодой бур вышел из дома и, разогнав собак, пригласил путешественников идти за ним. В доме их встретил старик, любезно усадил за стол и, достав бутылку с полки, стал предлагать выпить с ним вместе наливки домашнего приготовления.

Через некоторое время вышла и его жена, перед которой поставили маленький столик с чайным прибором.

За чаем все разговорились, и хозяин сказал, что знал уже о приезде путешественников, но ждал, что они приедут только к ночи.

Дом колониста был сделан из глины, смешанной с особым составом, приготовляемым бурами. Стены его были выбелены, а крыша покрыта особым сортом тростника, труднее воспламеняющимся, чем солома. Потолка не было, а стропила под крышей были увешаны всякими продуктами охоты и сельского хозяйства. Здесь висели длинные хлысты из шкуры носорога, меха леопардов и львов, страусовые яйца и перья, связки луковиц, листья табаку, бамбук и проч.

Помещение состояло из большой столовой, маленького кабинета и двух спален. Стекол в окнах не было, на ночь окна завешивали шкурами. В доме не было ни печей, ни каминов, готовили кушанье в маленьком отдельном домике. Обстановка была очень несложная: большой стол, несколько стульев и кресел, на полках по стенам стояли железные и медные котелки разных размеров, здесь же стоял большой чайник с грелкой для чая. На маленьком столике в углу лежала большая семейная библия с медными застежками.

До завтрака шли разговоры о разных предметах, и, между прочим, хозяева давали разные практические советы своим гостям. К завтраку подали баранину, масло, молоко, плоды и прекрасный белый хлеб. Во время завтрака подошел весь караван, быки были распряжены, и пока отдыхали люди и животные, хозяин показал своим гостям всю ферму, сад, огород и поля. Только к вечеру путешественники собрались опять в путь, поблагодарив старого бура за гостеприимство.

– Разве здесь всегда останавливаются на встречных фермах? – спросил Александр, когда они отъехали от фермы.

– Всегда, – отвечал Суинтон. – На дорогах нет гостиниц, и каждый путешественник может отдохнуть у любого колониста. У них уже заведено оказывать всем одинаковое гостеприимство.

– И они не берут никакой платы?

– Нет, не следует и предлагать. Другое дело, если бы вы вздумали кормить здесь лошадей или скот – за это полагается платить. Жена бура целый день, кажется, сидит за чайным столом, и чай должен быть всегда готов для проезжих.

– Трудно представить, что этот же добродушный и гостеприимный бур может относиться к туземцам так жестоко, как говорил м-р Ферборн.

– Многие из наших пороков и добродетелей часто зависят от обстоятельств, – возразил Суинтон. – Гостеприимство обычно во всех мало заселенных странах, и голландские буры чрезвычайно гостеприимны. Их жестокость к готтентотам и другим туземцам происходит от воспитания, которое они получают из поколения в поколение. С детства они привыкают смотреть на туземцев, как на рабов, и совершенно не думать о том, что они такие же люди, как и все другие. М-р Ферборн совершенно верно говорил, что ничто так не развращает, как установленное и разрешенное законом рабство.

– Но буры, кроме жестокости, славятся еще и жадностью к деньгам?

– Да, такова их репутация, и боюсь, что она справедлива. Нужно иметь в виду, что буры происходят от очень коммерческой нации, более коммерческой даже, чем португальцы, которым они подражают. Стремление к благосостоянию обыкновенно порождает любовь к деньгам, а когда у человека эта любовь развивается в страсть, он не останавливается ни перед чем. Жестокости португальцев на востоке известны в истории. И еще вопрос, не были ли бы англичане повинны в такой же жестокости, как буры, если бы они предшествовали им? Испанцы были очень жестоки в Южной Америке, и португальцы не отстали от них. И я очень сомневаюсь в том, чтобы наши соотечественники были вполне безупречны. Разница может быть только в том, что их предшественникам было больше искушений, потому что они могли больше приобретать, или попросту отнимать.

– Вы правы, недаром говорится в молитве: «Не введи нас во искушение»; мы все слишком слабы, чтобы устоять против соблазна.

Вечером волов снова выпрягли, а скот пустили на некоторое время на траву. Когда стемнело, сделали переключку людям, и затем майор, по просьбе Александра, распределил каждому обязанности и дежурства за ночь. Разложили костер. Перс Магомед, слуга майора, приготовил прекрасный ужин, после которого наши друзья пошли спать в свои фургоны, а готтентоты расположились на траве вокруг костра.

Нет надобности рассказывать подробно все восьмидневное путешествие до города Грахама, так как за это время не произошло ничего особенного. В городе караван был прекрасно принят административными лицами, которые охотно оказали ему необходимую помощь. Здесь было сменено несколько человек готтентотов, особенно склонных к пьянству, и принято еще трое хорошо знающих кафрскую землю и язык туземцев.

При въезде в город Хендерсон заметил, что в кустах кто-то шевелится. Осторожно подъехав, он увидел маленького бушмена, лет двенадцати, почти голого и, очевидно, страшно истощенного от голода. Он был так слаб, что не мог стоять на ногах. Майор велел готтентоту взять ребенка на руки и отнести в фургон. Укрепляющие лекарства и питательная пища скоро поправили мальчика так, что он мог ходить без посторонней помощи, но он не выражал ни малейшего желания уйти от своих спасителей. Перед отъездом Хендерсон спросил его через переводчика, хочет ли он остаться в караване? Ответ был утвердительный, и потому мальчика решили взять с собой. Майор заметил, что он будет прекрасным товарищем Бигуму.

– Как же вы назовете своего найденыша? – спросил Суинтон.

– Если уж мою обезьяну зовут принцессой, то он, конечно, должен быть принцем. Пусть будет принц Омра.

– Ну хорошо, пусть будет Омра, пока нам не удастся узнать его настоящее имя, – сказал Суинтон.

Таким образом маленький бушмен сделался членом каравана, который продолжал свое путешествие, оставив город Грахам.

Глава X

Дикие звери. Неповиновение готтентотов. Опасность от слонов. Их ужасные крики. Страх Толстого Адама. Сообразительность слона. Намерения путешественников.

Из Грахама путешественникам удалось выбраться только в полдень, так как раньше не было никакой возможности собрать готтентотов, которые прощались со своими женами и трактирами. Поздно вечером прибыли они в крааль Германа, маленький военный форт, где остановились, чтобы отоспаться пьяным готтентотам. На следующий день путь их шел по совершенно изменившейся местности – кругом тянулись густые кустарники, наполненные зверями. Потом они вышли на пустынную бесплодную равнину, сжигаемую солнцем, и долго не встречали ни малейшего признака воды. Наконец, они увидели перед собой грязную лужу, где, очевидно, собирались слоны. На ночь они снова остановились, разложив огни, чтобы держать в отдалении слонов и других диких зверей.

Возобновив путешествие на рассвете, они шли густым лесом по берегу реки, которую благополучно перешли вброд. Окрестности были очень красивы. Река тихо протекала между гористыми берегами, с роскошными зелеными долинами. В форте Уильтшайр, на берегу реки Кейскаммы, они встретили английские войска, которые стояли здесь, чтобы пресекать путь через реку мародерским шайкам или отбирать у них их добычу.

Это было последнее место, где наши путешественники могли надеяться на встречу с соотечественниками. Офицеры приняли их очень приветливо и убедили остановиться дня на два, чтобы собрать хорошенько сведения и подготовиться к дальнейшему пути. Первоначальный план, идти через миссионерскую станцию Хуми, был оставлен, так как станция была в стороне от дороги. Решено было идти прямо к Беттерворсу, до которого было сорок верст отсюда. Простившись через два дня с любезными хозяевами, караван перешел благополучно Кейскамму и очутился в стране кафров.

До сих пор готтентоты не доставляли особенных хлопот. Они чувствовали над собой власть закона и держали себя хорошо. Но едва была перейдена граница капской колонии, как некоторые из них начали проявлять признаки неповиновения. Но увольнение одного из них, с запрещением под страхом расстрела возвращаться обратно, повело к желаемым результатам. Дорога шла теперь среди долин и холмов и по явным и многочисленным следам слонов. Один готтентот, по имени Бремен, очень хороший человек и прекрасный охотник, предупредил Александра и его товарищей, чтобы они были осторожнее. Слоны обыкновенно возвращаются вечером по тому же пути, по которому прошли утром, и встретиться с ними было бы опасно. Два дня ехали они приблизительно по одной линии с миссионерскими учреждениями. К вечеру второго дня, когда совсем уже стемнело, им пришлось пересекать лесистый холм все по тем же следам слонов. Александр и его друзья ехали по обыкновенному верхом впереди каравана. Вдруг они остановились, пораженные самым ужасным криком, какой только можно себе представить. Лошади попятились. Ничего не было видно, но крик через несколько секунд повторился еще раз.

– Что это такое? – вскрикнул Александр.

– Кричите, как можно громче, – сказал майор, – и переверните лошадей к повозкам.

Александр, Суинтон и майор начали кричать, и скоро к ним присоединились крики и завывания всей толпы готтентотов.

– Теперь молчите! – закричал майор, и все смолкли и прислушивались некоторое время.

– Это был только один, сэр, и он уже ушел, – сказал Бремен. – Мы можем ехать дальше.

– Кто один? – спросил Александр.

– Один слон, сэр, – ответил готтентот. – Хорошо, что вы не наткнулись на него, он сбросил бы вас с обрыва вместе с лошадьёю. Здесь должно быть их целое стадо, и нам нужно бы как можно скорее быть по другую сторону холма.

– Я то же думаю, – сказал майор.

– Мне кажется, этот крик целый месяц будет звучать в моих ушах, – сказал Александр. – Я думаю, лев ревет не хуже.

– Погодите, услышите и его, – заметил Суинтон. Достигнув вершины холма, они выбрали при свете звезд место для ночевки. Трудно было сказать, близко ли они были к какому-нибудь кафрскому краалю, но не было слышно ни лая собак, ни мычання быков. Собрав весь скот, люди составили четырехугольником фургоны и связали их веревками. В середину четырехугольника были загнаны лошади и овцы, а быки, как обыкновенно, были привязаны к фургонам.

Костров в эту ночь разложили больше, чтобы отгонять слонов и других зверей. Гиен и волков было очень много, и они всегда рыскали по ночам около лагеря, надеясь стащить овцу. Львы еще не показывались, хотя готтентоты указывали на их следы.

Когда готтентоты кончили свою работу по устройству лагеря, наши путешественники расположились у костра в ожидании ужина, который готовил Магомед из зарезанной овцы. Выпущенная на свободу обезьяна подседа по обыкновению к своему хозяину. Когда подали ужин, она ловко и быстро начала хватать пальцами по куску с каждого блюда.

Маленький бушмен совершенно поправился и сделался очень забавным и веселым мальчуганом. Никто не понимал его, кроме одного или двух готтентотов, но он постоянно пытался разговаривать жестами и мимикой с Александром и его друзьями. Больше всех он по-видимому привязался к Магомеду и почти не расставался с ним. Маленький, гибкий, пропорционально сложенный, он напоминал лицом и быстрыми движениями обезьяну.

Стража была расставлена тотчас же, как зажгли костры. Толстый Адам, в храбрости которого сомневался майор, сидел с ружьем возле ужинавшей компании. Омра подошел туда же и, указывая на сидящего спиной Адама, начал что-то оживленно жестикулировать, все время кивая головой. Затем он наклонился, вытянул вперед руку на подобие хобота слона и пошел вперед размеренным, тяжелым шагом. Подойдя к Адаму, он закричал совершенно так же, как кричал час назад слон. Готтентот вскочил, бросил ружье, затем бросился плашмя на землю, как будто предоставляя воображаемому слону пройти по нему беспрепятственно.

Другие готтентоты тоже вскочили, взяли за ружья и направили их в ту сторону, откуда ожидался слон. И только громкий хохот начальников показал им, что ничего не случилось, и они поняли, что маленький Омра проделал одну из своих штук. Оправившийся от испуга Адам имел очень глупый вид; он только что хвастал перед товарищами, что убил очень много слонов и что умеет охотиться на них.

– Да, – сказал Суинтон, – это и видно, что Адам прекрасный охотник на слонов и знает, что нужно делать в минуту опасности.

– Совершенно верно, – ответил майор, – он вполне оправдал наше мнение о нем и доказал, что выше всего ценит осторожность.

– Что касается благоразумной осторожности, – продолжал уже совершенно серьезно Суинтон, – то она действительно необходима при встрече со слонами. Мне рассказывал один охотник, как на его глазах был убит один из его товарищей этим свирепым животным. Бедняга обратил на себя внимание слона, которого выгнали из зарослей. Обозленный зверь погнался за ним, тотчас же догнал его и захватил хоботом. Пронесся несколько шагов, он бросил его на землю и, истоптав ногами до смерти, отошел в сторону. Но через некоторое время он как бы усомнился в смерти своего врага и вернулся к его телу. Перевернув его еще раз передними ногами, он снова захватил его хоботом, унес на край зарослей и швырнул в кустарник.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.